

КОЛЫБЕЛЬНИКОВА НИНА

БЫВШАЯ
ЖЕНА ГЕНЕРАЛА
ДРАКОНА

Колыбельникова Нина

Бывшая жена генерала-дракона

«Литнет»

2025

Нина К.

Бывшая жена генерала-дракона / К. Нина — «Литнет», 2025

— Я люблю другую, Амелия. И она ждет от меня ребенка. Когда-нибудь ты тоже влюбишься. И поймешь меня. Прости. Последние слова, которые услышала Амелия перед смертью. Теперь в ее теле я. В наследство мне достались: злая мачеха, капризная сестра и бывший муж-дракон, который опозорил меня в день свадьбы. Они думали, что я сломаюсь. Но они не знали, что я не Амелия. И мне есть что терять и ради чего жить. ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДАННАЯ КНИГА ЕСТЬ В ПЕЧАТИ, ЕЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА ВБ/ОЗОНЕ, ВБИВ В ПОИСКОВИК МОЙ ПСЕВДОНИМ. ЕСЛИ ХОТИТЕ КНИГУ С АВТОГРАФОМ, НАПИШИТЕ МНЕ В СОЦ. СЕТИВ книге: ☆ попаданка со стальными...нервами ☆ генерал-дракон ☆ магия, академия, быт ☆ хитрая мачеха ☆ не менее хитрая сестра ☆ встреча через время ☆ ХЭКнига участвует в литмобе «После развода с генералом драконов»

© Нина К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Литмоб	13
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

— Это мой день, — прошептала Амелия, любуясь своим отражением в зеркале.

Улыбка не покидала ее лица, глаза сияли счастьем, а свадебное платье, шитое по индивидуальным меркам специально к этому торжеству, переливалось в лучах солнца и создавало иллюзию настоящего волшебства.

Хотя то, что с ней происходило, — однозначно волшебство. Девятнадцатилетняя девушка даже надеяться не могла, что станет истинной парой дракона. Всю жизнь Амелия прожила с мачехой и младшей сестрой. Отец погиб, когда ей исполнилось тринадцать, а мать и того раньше. Но за несколько лет до смерти Дилон Ривенвуд успел жениться вновь и обзавестись еще одной дочкой.

В итоге мачеха Амелии попыталась сдать падчерицу в дом для бесхозных детей. После того как в Аэрогоне началась война, таких заведений в стране появилось предостаточно, так как слишком много было погибших. И слишком много сирот. Но Теодоре Ривенвуд отказали и ясно дали понять, что даже при таком огромном количестве социальных заведений — мест в них нет. А если она все же откажется от своей родственницы, то все наследство Дилона уйдет на нужды империи, а с началом войны этих нужд становилось все больше и больше. Казалось, они совсем не заканчивались.

Появились пункты по сбору одежды и еды для людей, которые остались без крыши над головой, открылись счета благотворительности. Жители Аэрогона объединились против общей беды, прежняя граница между семьями аристократов и обычных тружеников размылась. Все помогали друг другу без разбора, да так и выживали.

Теодора, поняв, что может остаться ни с чем, скрипя зубами оставила возле себя падчерицу, к тому же быстро нашла ей занятие. Все домашние дела легли на плечи хрупкой Амелии. Она помогала с уборкой, готовкой, ходила на рынок за продуктами, рубила дрова для камина, чтобы экономить заряд осветительных артефактов.

Иными словами, Амелия делала все, пока ее сестре Эвелин достаточно было одного. Оставаться красивой.

Именно на нее Теодора делала ставку. В доме необходим был мужчина, и Теодора планировала успешно выдать свою кровиночку замуж. И каково же было ее удивление, когда истинный зов привел дракона к Амелии, а не к ее дочери. К тому же дракон оказался не из простых, он занимал должность генерала армии Аэрогона. А это означало, что мужчина при хорошей должности и живет в достатке.

Мачеха была так рассержена, что стала упрячиться и говорить, что не отдаст свое сокровище какому-то там дракону. Мол, обещала своему покойному мужу приглядеть за его старшей дочерью, так что пусть дракон присмотрится к Эвелин, но генерал остался непреклонен. Тогда Теодора скрепя сердце согласилась, но выдвинула свои условия. Дракон должен был заплатить мачехе крупную сумму денег, чтобы та смогла устроить хорошее приданое своей родной дочери.

Генерал на эту сумму, написанную размашистым почерком на листочке, даже не посмотрел. Ему нужна была его истинная. Армия Аэрогона терпела поражение, и чтобы усилить своего дракона, Каледону Фанраллу необходимо было соединиться со своей второй половиной. Прямой указ императора о том, чтобы все драконы нашли своих истинных, никто не мог проигнорировать, и Каледон ее нашел. Хрупкую, с затравленным, испуганным взглядом... Амелии хватило одной встречи, чтобы без памяти влюбиться и понять — рядом с этим мужчиной она будет в безопасности.

До самого бракосочетания они больше не виделись, у Каледона на это не было времени, и всю подготовку для церемонии он возложил на Теодору Ривенвуд, сообщив, чтобы она выбрала для его жены самое лучшее платье.

Ослушаться генерала Теодора побоялась, хотя и ее платье, и дочери были гораздо дороже и качественнее, а перед тем как отправить чек дракону, Амелия увидела, что ее мачеха пишет совершенно другие суммы с целью нажиться на данном мероприятии.

Но Амелии уже было все равно. Она была так счастлива, что не обращала на это никакого внимания. Все ее мысли были заняты только женихом. Самым сильным, самым смелым, самым мужественным драконом.

От воспоминаний у Амелии бежали мурашки по коже. Он так на нее смотрел в первую встречу, как никто и никогда до этого раньше. С нежностью, заботой, восхищением. Его взгляд будто ласкал каждый участок ее тела, и только от этого уже можно было почувствовать себя особенной.

— Только мой день, — повторила Амелия и счастливо вздохнула.

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась Эвелин.

— Что ты там бормочешь, сестренка? — фыркнула она, внимательно рассматривая Амелию.

Девушка мгновенно выпрямилась и опустила взгляд. Дурацкая привычка, которая возникла с детства. Мачеха всегда приказывала относиться к младшей сестре с почтением, но ничего... скоро все изменится. Через силу Амелия заставила себя посмотреть на Эвелин и улыбнуться.

— Пустяки. Просто размышляю вслух.

— Просто размышляешь, — Эвелин подошла к зеркалу, нагло отодвинув от него сестру. — Тебя замуж берут не для того, чтобы ты размышляла.

Эвелин покружилась перед своим отражением, с удовольствием демонстрируя ему свои стратегические места: глубокий вырез на декольте и чересчур узкую юбку на бедрах. Все на грани приличий, но тем не менее... Амелия не могла не отметить, что сестра выглядит восхитительно. Слишком восхитительно для этого дня. Мачеха даже не поскупилась на косметического магведа, наверняка потратила на него все деньги, в то время как Амелия сегодня была просто Амелией... пусть и в красивом платье.

«Этот день ничто не испортит, слышишь?» — произнесла про себя девушка. — Ты ничем не хуже Эвелин, к тому же ты истинная пара Каледона. Это что-то другое, волшебное, внешность здесь не важна».

— А знаешь, ты поступила очень глупо, — с улыбкой заявила Эвелин, как только налюбовалась своим отражением.

— О чем ты? — забеспокоилась Амелия. Неужели она что-то испортила?

— Ну, сама посуди. Каледон Фанралл — человек видный, каждая девушка мечтает окатиться в его постели и обзавестись покровительством. А что ты? Получила предложение и затаилась у себя в спальне за книгами, хотя должна была сделать все, чтобы дракон думал о тебе не только каждый день, но и каждую ночь. Наверняка он даже забыл, как ты выглядишь. Нужно быть посмелее, Амелия. И понастойчивее... с такими мужчинами.

После этих слов Амелия зарделась. По любовным романам, которыми она зачитывалась долгими вечерами, девушка имела представление о том, что происходит в супружеской спальне. Но рассуждать на эту тему до свадьбы было неприлично, и откуда в сестре столько дерзости, чтобы поднять такую тему?

— Эвелин, — осуждающе произнесла Амелия, — на что ты намекаешь? Это же... неприлично.

— Неприлично, — скривилась Эвелин и вновь отвернулась к зеркалу, поправляя декольте таким образом, чтобы грудь выглядела еще соблазнительнее. — Неприлично, сест-

ренка, жить в нищете. А еще неприлично самой убираться, стирать и готовить. Ты даже представить себе не можешь, как тебе повезло. — Эвелин бросила взгляд полный ненависти на свою сестру. — И вместо того чтобы укрепить свои позиции в жизни Каледона, ты занимаешься не пойми чем. Читаешь и мечтаешь.

— Ты тоже успешно выйдешь замуж, — постаралась успокоить ее Амелия. — Каледон обещал обеспечить тебе достойное приданое.

— Выйду, — хмыкнула Эвелин. — Мое от меня не уйдет. Пусть оно будет и не таким успешным, как твое замужество.

Несмотря на всю несправедливость, которую Амелия испытывала в своем родном доме, она искренне желала младшей сестре счастья. Да, мачеха ее разбаловала, но они с Эвелин одна кровь. А еще Амелия вспомнила ее слова про слуг и улыбнулась своим мыслям. Интересно, как семья будет справляться без ее помощи, ведь с завтрашнего дня она покинет дом, в котором выросла, и переедет к своему супругу.

Через минуту в дверь постучали, и в комнату вошел Каледон Фанралл.

При виде дракона Эвелин грациозно присела, демонстрируя генералу все свои прелести, а у Амелии по привычке перехватило дыхание от одного только взгляда на своего истинного.

Как же стало тепло и хорошо с его появлением. А как только на его губах появилась сухая улыбка, то сердце в груди у девушки сделало кульбит.

— Нам пора, — спокойно произнес Каледон.

Какая же выдержка у этого генерала, потому что Амелия почувствовала, как от счастья дрожат колени и ладони.

— Церемония начнется через час. К этому времени мы должны приехать в храм.

Каледон Фанралл пусть и был мрачным, но с его должностью по-другому просто нельзя. Зато, если приглядеться, то можно было заметить его красоту. Высокий, подтянутый брюнет с яркими голубыми глазами и заостренными скулами. Иными словами, в нем чувствовалась аристократическая порода. И если большинство в Каледоне видели деньги и перспективы, то Амелия, наоборот, разглядела в нем не только физическую, но и душевную красоту на каком-то интуитивном уровне. Будто это что-то само разумеющиеся, когда ты считаешь человека идеальным во всем, при этом лицезрея его всего раз в своей жизни.

А генерал, кажется, и не подумал о своем внешнем виде, собираясь на бракосочетание. Волосы его были в беспорядке, вместо парадного смокинга – военный мундир. Складывалось впечатление, будто он телепортировался в дом Амелии сразу с поля битвы. Но девушка не заострила на этом внимания. Единственное, что она понимала, – перед ней стоит самое настоящее совершенство. Дракон, герой и, самое главное, ее спаситель.

Добирались до храма они на экипаже. Всю поездку Теодора и Эвелин пытались вывести дракона на диалог. Заводили светскую беседу, при этом мачеха неоднократно рассказывала про достоинства своей родной дочери, а та только и рада была томно вздыхать и хлопать ресницами, которые нарастили с помощью магической косметологии.

Амелия очень злилась, но потом заметила, что Каледону совершенно все равно на ее родственниц. Как бы Эвелин не демонстрировала свой бюст с выгодных ракурсов, генералу это было неинтересно.

К храму они подъехали за несколько минут до начала церемонии, и Амелия чувствовала трепет, когда входила в него. Будто Боги ее благословили и дали свое разрешение на брак, однако, вопреки ожиданиям, в храме они были не одни.

Как только нога Каледона переступила порог, к нему тут же направился высокий мужчина, светлые волосы которого были собраны в низкий хвост.

— Вы же... вы же говорили, что гостей не должно быть? – недоуменно поинтересовалась Теодора.

— Это мой друг, — ответил Каледон. — Единственный. Ближе него у меня никого нет. Пока нет.

Дракон перевел взгляд на свою будущую супругу, и Амелия зарделась.

— Рэтган Блайт, — представился незнакомец и слегка поклонился.

По прямой осанке и отточенным движениям Амелия сразу же поняла, что Рэтган тоже военный. А по вертикальным зрачкам, которые изменились буквально на мгновение, когда Рэтган посмотрел на Амелию, она еще поняла, что он тоже дракон.

Мачеха тоже это заметила и расплылась в приторной улыбке.

— Рэтган, как мы рады с вами познакомиться. Позвольте представить вам свою дочь Эвелин...

Теодора толкнула в спину девушку, чтобы та вышла вперед, и Эвелин не подкачала. Отработала все свои движения и взмахи ресниц на ура, и дракон задержал на ней заинтересованный взгляд.

Правда, интерес этот был недолгим. Он быстро переключил свое внимание на друга и Амелию.

— Хочу вас поздравить с началом новой жизни, — с улыбкой сообщил он. — Найти истинную пару для нас – большое счастье. Я даже завидую Каледону, но он заслужил.

Амелия хотела поблагодарить дракона за теплые слова, но храмовник уже вышел на алтарь и подозвал молодых для проведения обряда.

Каледон осторожно взял руку Амелии и провел ее к алтарю. Сердце девушки билось часто-часто, а когда храмовник начал свою речь, оно и вовсе было готово выпрыгнуть из груди. Амелия была так взволнована, что пропустила все его слова мимо ушей, и только когда храмовник попросил ее протянуть ладонь для нанесения брачной татуировки, девушка пришла в себя и выполнила его просьбу.

Кожу пекло, на глазах у Амелии выступили слезы, и Каледон не выдержал.

— Я могу использовать магию? – поинтересовался он. — Хочу забрать всю боль своей супруги на себя во время этого процесса.

Храмовник недовольно хмыкнул, но спорить не стал. С генералами вообще не спорят. И в итоге весь оставшийся ритуал прошел для Амелии безболезненно.

— Властью, дарованной мне Богами, я объявляю вас мужем и женой, — произнес храмовник, и Каледон уже склонился, чтобы поцеловать невесту, как за спинами присутствующих раздалось довольно-таки громкое «Кхм-кхм».

В храме стояла такая тишина, что даже этого кашля хватило, чтобы все обратили на человека внимание.

Амелия и Каледон обернулись и увидели высокого мужчину лет пятидесяти, который опирался на трость, так как одна его нога была меньше другой.

«Скорее всего, протез», — подумала Амелия.

— Дорогая, мне нужно на минуту отойти, — отстраненно произнес Каледон и обратился к своему другу. — Рэтган, проводи мою супругу в зал, где мы должны произнести клятвы перед Богами, я скоро подойду.

— Но, Каледон... — удивленно начал Рэтган, но генерал оборвал его одним взмахом руки и направился к незнакомцу.

Под недоуменные взгляды сестры и мачехи Амелию сопроводили в приватную комнату для завершения божественного обряда. Официально с Каледоном они уже были в браке, но стоило поблагодарить Богов за то, что они помогли найти его истинную.

— Не переживай, — улыбнулся Рэтган, перед тем как уйти. — Он скоро вернется.

Однако сердце Амелии было не на месте, а тревога накрыла ее с головой.

Каледон вернулся где-то через полчаса. Выглядел дракон хмурым и недовольным, и внутри Амелии от одного только его взгляда все оборвалось.

— Мне очень жаль, — хрипло произнес генерал. — Мы должны расторгнуть брак.

— Ч-что? — переспросила Амелия. Ей казалось, что она ослышалась.

— Мы расторгает брак, — повторил дракон, и в глазах Амелии защипало от подступающих слез. — С храмовником я уже договорился. Он все оформит.

— Нет, — Амелия покачала головой, чувствуя, как дыхание перехватывает. — Нет-нет-нет. Это какая-то ошибка. Этого не может быть, я твоя истинная!

Все надежды девушки, все мечты, которые только она успела построить, рушились. Неужели жизнь к ней настолько несправедлива, что в такой замечательный день отбирает единственное, что делало Амелию счастливой?

— К сожалению, одной истинности недостаточно. — На лице генерала не дрогнул ни один мускул, но Амелия поняла эти слова по-своему.

А что, если ее сестра была права? Что, если она сама упустила свое счастье из-за стеснения и недальновидности?

Собрав последние силы, Амелия медленно приблизилась к дракону, не сводя с него немигающего взгляда. К горлу подступил противный ком, внутри девушка вся дрожала от страха, но если она не сможет, если не попытается...

Приблизившись, Амелия спустила со своего плеча бретельку платья. Медленно, неуверенно, но как умела. А затем взяла дракона за руку и положила его ладонь к себе на грудь, слегка сжимая.

— Понимаю, я была не права, — тихо произнесла Амелия, с трудом сдерживая слезы. — Но я готова исправиться. Каледон, я буду стараться, ты не пожалеешь...

— Прекрати немедленно! — генерал рвано выдохнул, вырвал из девичьей хватки свою ладонь и недовольно поморщился. — Для чего ты сейчас унижаешься? Я был о тебе лучшего мнения.

Слова дракона ранили, но Амелия решила не отступать. Если решила рискнуть, то нужно действовать до конца.

— Каледон, но разве не этого тебе не хватало? Я должна была догадаться раньше, но не подумала... Обещаю, я исправлюсь! Я стану лучшей женой и никогда тебя не разочарую!

Амелия стала спускать с плеча вторую бретельку, и Каледон, не выдержав, отвернулся.

— Я люблю другую, Амелия. И она ждет от меня ребенка. Когда-нибудь ты тоже влюбишься. И поймешь меня. Прости.

Вот так просто?! Прости?!

После этих слов генерал размашистым шагом вышел из помещения, оставив Амелию одну, а девушка горько заплакала и упала на колени, совершенно не понимая, для чего ей дальше жить. Зачем? В этом мире она никому не нужна.

— Прошу вас... — взмолилась она. — Прошу вас, Боги. Заберите меня.

Слова, сказанные на эмоциях, тем не менее были услышаны.

Умирала Амелия безболезненно. Она просто потеряла сознание и навсегда погрузилась в вечную темноту.

Глава 1

Анастасия Селинова

— Мам, я тут подумал... В общем, я хочу переехать к отцу.

Наверное, это самая болезненная фраза, которую может услышать женщина от своего ребенка. И говорил он это таким будничным тоном, будто просто попросил приготовить на завтрак овсянку вместо привычных блинчиков.

— Что? – переспросила я дрогнувшим голосом.

На глазах тут же возникли слезы, а в горле образовался тугой ком.

— Давай посмотрим правде в глаза, — поджал губы Максим, которому на днях только двенадцать исполнилось. — Ты не справляешься. Да и с отцом мне будет лучше. У него сейчас полноценная семья, жена, которая сидит постоянно дома и занимается хозяйством. Они каждые полгода ездят в отпуск. Турция, Египет. А я, может быть, тоже так хочу. Мы с тобой вообще никуда не выбираемся.

Ну да, на одиннадцать тысяч, что платит его отец в виде алиментов, сильно не разгуляешься. Хотя я стараюсь изо всех сил. Недавно купила Максиму котенка мейн-куна, о котором он так давно мечтал, и в целом всегда пыталась вылезти из кожи вон, чтобы у ребенка все было.

Вот только трудно найти работу без хорошего образования. В свое время отец Максима был против того, чтобы я училась, поэтому пришлось бросить юридический и полностью посвятить себя семье. Однако тогда я была молодой, влюбленной и еще не знала, что в этот мир можно положиться только на себя.

И ранее Максим никогда не жаловался. Он прекрасно видел, как много я работаю, чтобы хватало и себя обеспечить, и съём квартиры оплатить, так как идти нам с ним было некуда.

Но все изменилось пару месяцев назад. Я начала обращать внимание, что сын возвращается из школы без настроения. Он стал замкнутым, чаще огрызался. Материнское сердце подсказывало, что с ребенком происходит что-то не то, поэтому в один из дней, когда клиентов в салоне мобильной связи было не так много, я отпросилась у директора пораньше, чтобы забежать к сыну в школу и поговорить с его классным руководителем.

Однако разговаривать ни с кем не пришлось. Стоило только подойти к школе, как я увидела, что на моего ребенка нападает парень, который выше его на две головы. Под залиvistый смех других детей, которые образовали около этого зрелища круг, обидчик размахивал ногами, пока мой сын испуганно озибался по сторонам и пытался прикрыться своим портфелем.

Перед глазами у меня будто белая пелена образовалась. Не ведая, что творю, я кинулась в эту заварушку и вцепилась в парня руками, оттаскивая его от своего ребенка.

От неожиданности обидчик потерял равновесие и упал, а дети разбежались в стороны. Я заметила, что кто-то из них достал телефон, чтобы запечатлеть этот момент на память.

— Психологи говорят, что если ребенок избивает кого-то младше себя, то велика вероятность, что его дома также избивают родители, — ледяным тоном припечатала я. — Мне очень жаль, что тебе с ними не повезло, но если ты еще раз подойдешь к моему сыну, я за себя не ручаюсь!

Только после того, как во мне перестал бурлить адреналин, я пожалела о своем поступке. Показала Максиму, что такие вопросы необходимо решать силой, хотя это неправильно. Но когда я увидела, что мой ребенок в опасности, у меня будто в голове что-то переключилось и я уже не соображала.

В тот день Максим мне больше ничего не сказал, а на следующий меня вызвали в школу. Несмотря на недовольство начальника, я выпросила еще один выходной и поехала разбираться, уже предполагая, по какой причине меня вызывают, и не ошиблась. В кабинете директора была не только я, но и мама того самого обидчика, которая вопила во все горло, какая я недалекая

и что с таким подходом меня необходимо лишить родительских прав. И, что самое ужасное, на стороне этих «потерпевших» был весь педагогический состав.

— То есть ваш ребенок избивает моего сына, а виноватой оказалась я? – вскипела я от собственной беспомощности. – Да я его даже пальцем не тронула, только оттащила от Максима.

— Вы ему сказали, что ему не повезло с родителями, — гордо вздернула подбородок мама обидчика, одетая в дорогую одежду, с профессиональной укладкой и макияжем. – Вы портите репутацию нашей семьи! Мой муж юрист, он вас так по судам затаскает, что вы на всю жизнь присядете. А то, что ваш сын сдачи дать не может, так это проблемы в вашем воспитании, а мой Роберт самый лучший. Немедленно просите у него прощение, или мой супруг устроит вам настоящий ад!

Я перевела затравленный взгляд на директрису, но та только плечами пожала. Мол, приноси извинения. Сама виновата.

В результате мне действительно пришлось извиниться. У всех на глазах. В целом, я умела признавать свои ошибки, но когда Роберт с пафосным видом произнес: «На колени!», я чуть с ума не сошла от злости. Благо мамочка этого чада поняла, что тот перегибает палку, и скупой произнесла:

— Не выдумывай, дорогой. Еще не хватало, чтобы она по школе на коленях ползала.

На этом я думала, что все неприятности сошли на нет, однако Максим огорошил меня новостью, что хочет жить с отцом и других вариантов не рассматривает.

— Но как же я? – произнесла я хриплым голосом.

— А тебе нужно личную жизнь устраивать, — пожал плечами сын. – Как раз свободное время появится. Отцу я уже написал, он не против.

Понятно. За моей спиной уже все решили. И как бы я ни пыталась уговорить ребенка передумать, как бы ни умоляла его, он все равно требовал, чтобы я отвезла его к отцу. Иначе он обратится в органы опеки самостоятельно.

Делать нечего, пришлось отвезти его к Ивану. А бывший встретил меня с такой ехидной улыбкой, с какой выпроваживал из квартиры девять лет назад с трехлетним ребенком на руках. На улицу. Зная, что идти нам некуда, да и денег у меня своих личных нет. Хорошо, что тогда помогла подруга, иначе я бы не справилась. А все из-за того, что Иван мне изменил, а я случайно увидела его переписку с любовницей.

— Проваливай, — говорил он. – Все равно приползешь на коленях, когда жрать захочешь.

За все это время я так и не приползла. Только подала в суд на алименты, но супруг как-то смог обойти официальную зарплату и платил мне копейки.

Сейчас же он смотрел на меня взглядом победителя, будто всегда знал, что я не справлюсь.

— Максим будет тебе писать, — хмыкнул бывший, забирая у меня вещи нашего сына. – Наверное. Если не забудет, что у него есть такая непутевая мать.

Эти слова полоснули по материнскому сердцу острым ножом, а тот факт, что Максим отвернулся и проигнорировал высказывание отца, сделал еще больнее.

Но даже после этого я решила не отчаиваться. Возвращалась вечером домой и уже представляла, как заберу Максима на выходные и схожу с ним вместе в кофейню. Там мы съедим много мороженого и поговорим по душам. Эти мысли действительно согревали. Казалось, больше ничего плохого произойти не может. Но как только я вошла в свой подъезд, на меня сзади напали. Мужчина вонзил нож мне в спину, закрыл рот рукой, чтобы я громко не кричала от боли, а сам прошептал на ухо:

— Это от Сергея Геннадьевича, сука. Чтобы ты знала, что нельзя порочить имя уважаемого в городе юриста.

После этих слов он открыл дверь в подъезд и выбежал на улицу, а я завалилась на пол, из последних сил надеясь, что кто-то меня увидит и вызовет полицию и скорую. Но как бы я не пыталась кричать и звать на помощь, из горла вырывался только хрип. А затем я закашляла кровью, закрыла глаза и увидела перед собой кромешную темноту.

Литмоб

Дорогие читатели, я рада приветствовать вас в своей новой истории =)

Книга участвует в литмобе "После развода с генералом"

С остальными историями можно познакомиться здесь: <https://litnet.com/shrt/5la7>

Глава 2

Боль постепенно уходила. И пусть я ничего уже не видела в этой темноте, но продолжала размышлять, наверное, наш мозг действительно умирает в последнюю очередь. Вот только мысли о возможном спасении сменились мыслями о ребенке.

Максим, как он теперь будет без меня? Сомневаюсь, что мачеха обрадуется еще одному рту в своей семье. Бывший хотел сделать мне побольнее и только поэтому согласился забрать к себе сына. Я до последнего верила, что это одноразовая акция и продлится она недолго, а сейчас... я даже боюсь представить, что будет сейчас.

Полиция, разбирательство, бывшего мужа затаскают по следователям ... Максим будет расти нелюбимым ребенком в, по сути, чужой семье. Я не могу с ним так поступить!

Я пыталась ухватиться за эту мысль, как за последнюю соломинку, чтобы задержаться в этой жизни. Чтобы окончательно не потерять сознание и не погибнуть. С появлением Максима я жила только ради него, и сейчас он продолжал оставаться главной причиной, чтобы я не сдавалась.

Однако постепенно сознание начало ускользать. Я стала слышать музыку. Красивую, успокаивающую. Она то затихала, то становилась громче, укутывая меня, словно пуховое одеяло. Эта музыка была и знакомой, и совершенно новой, она проникала в каждую частичку моего тела и, казалось, хотела донести до меня что-то важное.

А потом я увидела свет. Меня стало к нему тянуть, но всем своим нутром я противилась, потому что на каком-то интуитивном уровне чувствовала, что это и есть последняя стадия. Как только свет поглотит меня, я окончательно умру. Но как бы я ни старалась, против судьбы не пойдешь. Свет захватил меня, накрыл с головой, вот только вместо того, чтобы окончательно отключиться, я... открыла глаза.

Ощущения, чувства – все разом обрушилось на мою голову. Я почувствовала, что могу дышать, смогла разглядеть вокруг себя странную комнату, в которой стены были сложены из темного большого камня, а сама я лежала на прохладном полу. Мысли в голове роились, словно стая мух, и не собирались формироваться в логичную цепочку. Пришлось глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, чтобы успокоить свое дыхание.

«Где я?» – первый вопрос, который я задала сама себе.

Глаза опустились чуть ниже, на ноги, и вместо привычных джинсов я увидела на себе белое, кружевное платье, очень похожее на свадебное.

Свадьба... перед глазами стали мелькать картинки, как я иду к алтарю. Моя ладонь дрожит в руках мужчины, в душе трепет и огромное, всепоглощающее счастье. Это счастье было таким большим и ярким, что у меня сперло дыхание.

Но откуда эти мысли? Откуда воспоминания? Это счастье точно не про меня, но платье...

Я снова его осмотрела. Бретельки были опущены с плеч, и я рефлекторно их поправила, а стоило к ним прикоснуться, как голову прострелило вспышкой боли, и перед глазами возникли новые картинки.

— Каледон, но разве не этого тебе не хватало? Я должна была догадаться раньше, но не подумала... Обещаю, я исправлюсь! Я стану лучшей женой и никогда тебя не разочарую!

Девушка стала спускать с плеча вторую бретельку, и мужчина, не выдержав, отвернулся.

— Я люблю другую, Амелия. И она ждет от меня ребенка. Когда-нибудь ты тоже влюбишься. И поймешь меня. Прости.

Это не мои слова, не мои воспоминания, но почему они кажутся такими родными? Откуда я все это знаю?

В реальность меня вернул стук хлопнувшей двери, и не успела я опомниться, как ко мне подлетела женщина и со всей силы влепила обжигающую пощечину.

— Ты что наделала, тварь?! – крикнула она, пока я пыталась справиться со звоном в ушах. – Что наделала?! Что наговорила ему?! Вставай!

Незнакомка подняла меня на ноги так легко, словно я была тряпичной куклой.

— Вставай, я сказала! Сейчас на коленях к нему поползешь! Сделаешь все, чтобы он изменил свое решение и передумал разводиться!

— Я не... — хрипло пробормотала я. — Вы меня с кем-то путаете.

Собственный голос показался незнакомым, но не успела я все это проанализировать, как на меня снова накинудись.

— Путаю? – незнакомка схватила меня за волосы и притянула к себе. – Сейчас я тебе покажу, мерзавка! Я была к тебе слишком добра, оттого ты и выросла непутевой!

Разъяренная женщина снова замахнулась, а у меня не было никаких сил, чтобы дать отпор. Голова разрывалась от боли, перед глазами все расплывалось, то ли от слез, то ли от изнеможения, а собственное тело было настолько слабым, что я его практически не чувствовала.

Только боль и усталость. Поэтому я прикрыла глаза в ожидании новой пощечины, однако ее не последовало.

— Маменька, прекрати! — рядом со мной раздался еще один женский голос. — Если ты ее изобьешь, то Каледон точно не передумает.

В этой просьбе не было беспокойства, и жалости тоже не было. Только констатация факта.

— Ты права, доченька. — Женщина меня отпустила и даже стряхнула с платья невидимые пылинки. — Что-то я об этом совсем не подумала. А ты прекращай реветь! Толку от тебя... зря только оставила! Все думала, пользу принесешь, а что в итоге? Только одни проблемы с тобой! Опозорила... опозорила всю нашу семью! Кто теперь твою сестру замуж возьмет?!

Последние слова доносились до меня будто из-под толщи воды. Женщина продолжала возмущаться, но я уже ничего не могла разобрать, потому что погрузилась в новые воспоминания.

Ее звали Амелия. Девушка девятнадцати лет, с русыми волосами и нежными чертами лица. Перед глазами возникла картинка, как это милое худое создание стоит возле зеркала и с любопытством себя рассматривает. На ней старое платье, больше похожее на тряпку, и замызганный передник, который когда-то был белым.

— Я не пойму, ты почему не работаешь? – В дверном проеме возникла мачеха. — Скоро обед, а ты картошку еще не почистила, мясо на плиту не поставила, зато возле зеркала крутишься!

— Я... я на минутку всего отвлеклась. Сейчас все будет готово!

Женщина усмехнулась и медленно приблизилась к Амелии. Воспоминания девушки возвращались ко мне вместе с картинками постепенно. Я так поняла, что эта женщина была ее мачехой. Тем временем она схватила девушку за светлые волосы и намотала их на кулак, притягивая хрупкое тело к себе.

— Что ты там разглядываешь? – прошипела мачеха. — Ни кожи, ни розги, даже груди нет никакой... не то что моя Эвелин. Вот кто может крутиться перед зеркалом. Ты должна пылинки со своей сестры сдувать. Как только она успешно выйдет замуж, может быть, и твоя жизнь изменится к лучшему. А пока перестань витать в облаках и начинай чистить картошку. Все должно быть готово вовремя.

Так я узнала, что Теодора Ривенвуд не в первый раз подняла руку на свою падчерицу. Оплеухи и таскания за волосы были ее любимым развлечением. Я наблюдала за жизнью Амелии, как за каким-то сериалом, и многое становилось на свои места. Пусть я и не знала эту

девушку, но с каждым воспоминанием она становилась такой родной, что все унижения и оскорбления в ее сторону я воспринимала близко к сердцу.

Маленькая, никем не любимая, даже собственным отцом. От него она никогда не видела ласки и объятий, к своей младшей дочери Дилон проявлял больше теплоты, чем к Амелии.

— *Ты слишком на нее похожа*, — говорил Дилон в нетрезвом состоянии, явно вспоминая мать Амелии.

А вот она свою мать совсем не помнила. Была слишком маленькой, когда та умерла. Именно после этого жизнь Амелии превратилась в какой-то кошмар, а с появлением мачехи стало еще хуже. Каледон Фанралл был в глазах девушки спасением. Она его искренне, со всей присущей молодой девушке нежностью полюбила. А он... бросил. Сразу же после свадьбы. Оpozорил ее на всю империю, сомневаюсь теперь, что Амелия когда-нибудь выйдет замуж.

Амелия... или я?

Судя по тому, что происходит, я попала в ее тело. В своем мире я умерла, а в этом мире Амелию слышали Боги и избавили от мучений. Теперь мне придется с этим как-то разбираться. И как-то выживать.

— Моя самая большая ошибка – оставить тебя в доме, — продолжала возмущаться Теодора, пока мое сознание медленно возвращалось и я приходила в себя. — И никакой благодарности от тебя за все добро, что я тебе подарила. Зачем я только повелась на твою милую мордашку и проявила жалость?!

— Жалость? – прохрипела я. — Если бы не я, вы бы с моей сестрой оказались на улице, дорогая мачеха.

— Да что ты такое говоришь, неблагодарная?!

От возмущения Теодора Ривенвуд даже воздухом подавилась, однако я не без удовольствия заметила, что удивления в ее взгляде было больше, чем недовольства.

Это и понятно. Кроткое создание по имени Амелия раньше никогда не перечила. В своей прошлой жизни я тоже была по большей части кроткой и гибкой, вот только неуважения к себе никогда не терпела. Именно поэтому и ушла от мужа. Да, рисковала, но преодолевала все трудности, как могла, и сохранила чувство собственного достоинства.

И если Амелия избегала конфликтов и оставалась в тени, то я планирую поступать иначе.

— Говорю вам правду, — холодно ответила я, постепенно ощущая, как ко мне возвращаются силы. — Но в одном вы правы... С Каледоном необходимо поговорить.

Под удивленные взгляды родственниц я направилась на выход из зала. Длинное платье путалось под ногами, из-за чего пришлось приподнять подол. В голове вспыхивали воспоминания про современный этикет и правила, так что юбку я приспустила, чтобы не было видно щиколоток.

Куда именно идти, я не знала. Когда Амелию вели приносить клятву, она витала в облаках и ничего не запомнила, поэтому я направилась прямо по коридору в надежде, что рано или поздно выйду в центральный зал храма. Скорее всего, дракон общается с храмовником именно там.

С каждым моим шагом сердце стучало быстрее. Было страшно смотреть этому мужчине в глаза, тем более когда эмоции настоящей Амелии еще не улеглись и бурлили где-то глубоко внутри, но у меня не было выбора.

Амелия доверяла ему. Она искренне считала, что Каледон ее спасет, защитит. И если уж супруг накосячил, то пусть теперь помогает мне и действительно защищает. Хотя бы от этой семейки. Я не трепетная девица девятнадцати лет, которая упадет в ноги и будет молить не покидать ее, даже необходимые документы о разводе подпишу. Но на своих условиях. Почему-то я была уверена, что Каледон не захочет очередного скандала и пойдет на уступки. Но когда я вышла в центральный зал, кроме храмовника, который тушил свечи и убирал всю атрибутику с алтаря, больше никого не увидела.

— Простите, — я быстро к нему приблизилась, — вы не видели моего супруга? Нам... нам необходимо поговорить.

— Супруга? — усмехнулся мужчина. — Девушка, у вас уже нет никого супруга. Хотя... — тут он поморщился. — Если вы разведены, какая вы девушка? Даже несмотря на ваш молодой возраст.

Час от часу не легче.

— Но разве для расторжения брака не нужно было мое присутствие? — возмутилась я. — Как же документы? Их необходимо подписать...

— Какие документы? — уже с раздражением ответил храмовник. — Я провел ритуал на расторжение брака, после чего милорд Фанралл поговорил с вашей матушкой и покинул храм. Не верите? Посмотрите на свою руку, на ней больше нет никакой печати.

Я перевела взгляд на свою ладонь и действительно ничего не заметила. Но как же так? Так быстро? Я даже ничего не почувствовала.

— И я уже ничего не могу изменить? — Голос мой охрип, а в груди разрасталось противное чувство отчаяния.

Я ведь так надеялась, что у меня получится...

— Вы уже ничего не можете сделать, — язвительно улыбнулся храмовник. — Делать нужно было раньше, пока такая выгодная партия была в ваших руках. Это же какой девушкой нужно быть, чтобы с ней развелись сразу же после обряда? Сочувствую я вам, дорогая, — мужчина покачал головой. — Не просто вам после такого придется.

Храмовник удалился, а мне ничего не оставалось, как на ватных ногах вернуться в комнату, где остались мачеха и сестра. Теодора нервно расхаживала из стороны в сторону, но, увидев меня, мгновенно остановилась.

— Ну что? — с надеждой поинтересовалась она.

— Ничего, — честно ответила я. — Мы уезжаем. Пора возвращаться домой.

Воспоминаний Амелии хватило, чтобы я заочно возненавидела мачеху и ее методы воспитания. Но идти мне было некуда, а дом Амелии — ее наследство от матери. Я не отдам его мачехе и сестре, которая не имела к нему никакого отношения. Поэтому придется потерпеть, по крайней мере, пока я не адаптируюсь в новом мире и не пойму, как действовать дальше.

Глава 3

Стоило нам вернуться домой после храма, как мачеха вновь решила взяться за старое и, несмотря на мое состояние, попыталась заставить меня готовить обед.

— Мы планировали после храма отправиться в ресторан, чтобы праздновать. Так что организуй нам с Эвелин достойную замену ресторанной еде.

На это я только фыркнула и отправилась в свою спальню, маленькую каморку, где, помимо моей кровати, стояли ведра и швабра для уборки. Есть хотелось безумно, так что я решила ни в чем себе не отказывать, отправилась на кухню и приготовила несколько бутербродов из сыра и вяленого мяса. Все это запила горячим взваром и уже собиралась уйти отдыхать, как на кухню вошла мачеха. Видимо, она что-то такое подозревала и решила меня проконтролировать, но вместо ароматных запахов еды ее ожидал пустой стол.

Теодора тут же включила сирену, она визжала, кричала и даже попыталась меня ударить, но я не позволила. Перехватила ладонь и с силой, на которую только могло быть способно хрупкое тело Амелии, ее сжала.

— Сумасшедшая! Да что ты себе только позволяешь?! Неблагодарная дрянь!

Кричала Теодора много, но это ничего не изменило. Ужина никакого не было, и вместо того, чтобы что-то себе приготовить, сестра и мачеха ушли вечером из дома. Скорее всего, направились в ресторан или таверну, вопрос только, на какие деньги?

После произошедшего я думала, что мачеха приняла новые правила, но нет. Она объявила мне войну. На следующее утро я проснулась, а холодильный артефакт был пустой. Теодора и Эвелин снова ушли, оставив меня в доме одну. Без денег и без еды. И тут мне крыть было нечем, у Амелии не имелось своих личных денег, в этом мире девушки практически не работали. Так что пусть Амелия и была прислугой в этом доме, но жила она за счет пенсии, которую получала вдова. Эти деньги были положены Теодоре, так как умер единственный мужчина в семье. Сумма была небольшой, но на еду и одежду мачехе и младшей сестре хватало.

По сути, она показала мне, что выдвигаться бесполезно, но и я не пальцем деланная. Мой бывший супруг пытался поступить со мной также, поэтому я не нашла ничего лучше, как заняться поиском работы. Через день голодовки я вышла на улицу, стала ходить по заведениям и предлагать свои услуги. Я была готова мыть посуду или полы, но чтобы у меня были личные деньги, дабы я ни от кого не зависела.

К вечеру мне повезло. Пусть и за маленькую плату, но владелец пекарни взял меня к себе. Всего-то нужно было торговать выпечкой, но помимо грейзов, местной валюты, после рабочего дня я могла забирать булочки, которые не смогла продать.

Новая работа меня воодушевила, в результате я тоже стала по утрам покидать дом, отправлялась на смену, торговала, а вечером довольная возвращалась.

Однако мачеха сразу же поняла, что на коленях я не приползу, и разработала новую тактику.

В один из дней я пришла на работу и увидела, что хозяин сам стоит возле прилавка и раскладывает выпечку, хотя этим раньше всегда занималась я.

— Мне проблемы не нужны, Амелия, — холодно произнес он. — Я не хочу иметь ничего общего с воровками.

— С воровками? — ахнула я. — Да я в жизни никогда к чужому не притронулась!

— А мачеха твоя другое говорит, — упорствовал хозяин пекарни, чем сильно меня удивил.

Откуда Теодора узнала про мою работу? Проследила, значит. Неудивительно, должна же я была целую неделю чем-то питаться, пока они с доченькой по ресторанам ходят.

— Мистер Олинье, — я постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно, — я работаю у вас целую неделю. Разве за это время у вас были какие-то нарекания в мой адрес? Или, может быть, вы хоть раз не досчитались выручки?

Мой работодатель задумался, но позиции не сдал. Мужиком он был хорошим, поэтому я все же попыталась вразумить его и убедить в своей правоте.

— Ты пойми, я не могу тебя оставить, — вздохнул он. — Даже если Теодора все это выдумала, до своего замужества ты находишься под ее опекой. Таковы порядки, сама знаешь. Если я разрешу тебе и дальше работать, в следующий раз она заявится в мою лавку с жандармией и жалобой. Зачем оно мне надо? Так что разберись со своей мачехой, а как только все уладишь, приходи. Даю тебе пару дней. За это время обещаю, что не найду нового работника.

— Хорошо, — не стала спорить я, хотя голос и дрожал от несправедливости. — Я попытаюсь с ней договориться. Можно пока хотя бы получить свой заработок за эту неделю?

— Так я все Теодоре отдал, — искренне удивился мистер Олинье.

Повезло, ничего не скажешь. По воспоминаниям Амелии, к своему работодателю я не должна была иметь никаких претензий. Нужно было сказать спасибо, что он вообще взял меня на работу, а судя по тому, что у меня есть опекун, то мистер Олинье действительно не имел права не отдавать ему мои кровно заработанные грейзы.

Все сводилось к тому, что к мачехе нужно идти, но внутри меня все этому противилось, поэтому я решила рискнуть и направилась дальше по улице в поиске новой работы.

Вот только эта женщина оказалась хитрее, чем я думала. Стоило мне войти в любое заведение, как сотрудники сразу же качали головой, а кто-то демонстративно отгораживал от меня кубышку с грейзами, будто я могла накинуться на нее и украсть монеты.

В тщетных поисках прошел целый день, и я поняла, что к мачехе все же идти придется. Был еще вариант выкрасть свои документы и сбежать, начать новую жизнь в другом месте, но я сразу же его отмела. Во-первых, мачеха может обратиться в жандармию, и меня быстро найдут и вернут обратно. Магия им в помощь. Во-вторых, без грейзов я далеко не уйду, ну и в-третьих, получилось бы, что я добровольно отдала им дом, который принадлежал Амелии. Этот дом был единственным имуществом девушки, я не могла с ним так поступить. Это бы означало, что Теодора окончательно победила.

Поэтому я вернулась домой и стала договариваться.

— Значит так, — с превосходством ответила мне мачеха. — Завтрак, обед и ужин — снова на тебе. Мытье посуды, уборка...

— Ужин и обед я готовить не буду, — перебила ее я. — В вашей спальне и спальне Эвелин я тоже убираться не намерена.

— Да как ты смеешь?! — возмутилась Теодора. — Она твоя сестра!

— И что? У нее рук нет? Если вы хотите удачно выдать ее замуж, то она не должна быть бытовым инвалидом. К тому же... Каледон успел мне кое-что рассказать по секрету.

Глаза мачехи сверкнули. Невооруженным взглядом было видно, что я смогла ее заинтересовать.

— И что же он тебе рассказал? — с наигранной ленцой поинтересовалась она.

— Он мне открыл секрет, как я стала истинной дракона.

Теодора мгновенно подобралась, но верить мне не спешила.

— Бреши-ишь, — протянула она, прищурившись.

— Разве я могу? — ответила покорно и опустила вниз голову, как ранее делала Амелия. — Никогда вас не обманывала.

— Есть такое, но ведешь ты себя в последнее время странно. Перестала по дому помогать, вздумала на работу устроиться, дерзишь...

— Это все нервное, — сказала я тихо, стараясь следить за каждым своим словом. Что-то я совсем не подумала, что мое изменившееся поведение привлечет внимание, а в памяти

Амелии не было ничего про то, как в этом мире поступают с попаданцами. — Я сама не своя после того, как Каледон меня бросил.

— Это да, — поморщилась Теодора. — Подвел нас дракон. И главное, как он мог отказаться от своей истинной? Он тебе что-нибудь объяснил?

Я отрицательно качнула головой, умалчивая информацию про другую женщину и ребенка.

— Ладно. Я уже смирилась с тем, что мы упустили такую выгодную партию. Так что он тебе сказал по поводу истинности?

— Если честно, я мало что поняла. Сами знаете, я глупая и необразованная в плане магии.

Теодора удовлетворенно кивнула. Ей нравилось, когда Амелия сама себя принижала.

— Так вот, он что-то говорил про энергетические потоки. Натренированное физическими нагрузками тело, которое способно выносить в себе ребенка. Будто бы Боги берут это в расчет, когда подготавливают новых истинных для дракона.

Теодора вскочила с места и стала нервно расхаживать по комнате из стороны в сторону. Вид у нее при этом был донельзя задумчивым.

— Натренированное тело, значит... — пробубнила она себе под нос, и с этого момента многое изменилось.

Эвелин была в полном недоумении, когда матушка вызвала ее к себе и сообщила, что часть обязанностей по дому ложится на ее хрупкие плечи. Фитнес-залов в этом мире не было, поэтому единственной физической нагрузкой для женщины была домашняя работа.

— Ну ма-ам, — недовольно захныкала сестренка. — Я даже тряпку в руках держать не умею. Она же... грязная.

— Ничего страшного, — успокоила ее Теодора. — Амелия тебя всему научит. Спасибо потом еще скажешь, когда станешь истинной дракона.

Я готова была взлететь от счастья, пусть победа была маленькой, но хоть что-то.

— Еще мне нужна будет помощь на рынке, когда я в следующий раз пойду за продуктами, — выдвинула очередное требование я.

— Это еще зачем? — недовольно фыркнула Теодора.

— Пакеты тяжелые, а мне еще рожать...

— Что? — перебила меня мачеха со смехом. — От кого? Кто на тебя посмотрит после произошедшего?

Я подождала, пока Теодора перестанет хохотать и придет в себя.

— Все же. Вдруг Каледон передумает? А я уже не смогу быть его истинной из-за того, что не получится выносить в себе дракона. Я же о вас с сестрой думаю.

Мачеха пожевала губу и нехотя согласилась.

— Хорошо. Но Эвелин таскать сумки не будет, на рынок с тобой пойду я. Как раз контролирую твои расходы, вдруг ты меня обманываешь и оставляешь часть грейзов себе?

На самом деле Амелия никогда не обманывала. И зря. Могла хотя бы забирать себе часть грейзов за аренду жилья.

Так мы и договорились. И пока мачеха была в приподнятом настроении из-за того, что узнала ценную информацию по поводу истинности, я решила выбить для себя еще один лакомый кусочек.

— Есть еще кое-что, — как можно тише произнесла я. — Я бы хотела попросить у вас разрешение на работу.

— А это тебе зачем? — сузила глаза Теодора.

— Я общаюсь с людьми и могу хоть как-то отвлечься от произошедшего. К тому же в доме лишними грейзы не будут.

Да, мне пришлось выдвинуть такое предложение. Но пусть я буду иметь при себе хоть какие-то деньги, чем вообще ничего.

— Я буду отдавать вам тридцать процентов от своего заработка, а вечером приносить домой булочки.

Алчность в моей мачехе победила, и на это предложение она тоже согласилась. И кое-как мы составили с ней график уборки и готовки по дому, где мне снова пришлось где-то спорить, а где-то идти на уступки.

Глава 4

Я вернулась к хозяину пекарни через несколько дней. К этому моменту он уже нашел себе нового продавца, грузного мужчину, который работал настолько медленно, что образовывал у лавки очередь. В результате многие не дожидались обслуживания и уходили. Боюсь даже представить, сколько прибыли терял владелец.

— Складывается впечатление, будто он специально так медлит, чтобы потом как можно больше булочек забрать домой, — бубнил себе под нос мистер Олинье. — А ты зачем пришла, Амелия? Без очереди продать выпечку не смогу. Если заметят остальные покупатели, то такой скандал мне устроят...

— Я хотела вернуться на работу. Получилось договориться с мачехой, она больше не против. Но если вы уже нашли мне замену...

— Подожди, — встрепнулся мистер Олинье. — Я согласен. Сейчас только сообщу этому оболтусу, что он не прошел испытательный срок.

— У вас есть испытательный срок? — удивилась я.

— Для него — есть, — хмыкнул хозяин пекарни и уже собирался оторвать новенького от работы, как в голову мне пришла еще одна идея. Уж очень довольный вид был у мистера Олинье, а железо нужно ковать пока оно горячо.

— Это еще не все, — поспешила добавить я. — Еще мне нужна прибавка к зарплате. Хотя бы тридцать процентов. Это условие моей мачехи.

Глаза я опустила в пол и сделала самый что ни на есть невинный вид. Будто это не мои капризы, а условия Теодоры.

— Вот же, — недовольно заворчал мистер Олинье, — не женщина, а самая настоящая ведьма. С самого начала знал, что связываться с ней лучше не стоит.

Какое-то время он размышлял над моим условием, переводя взгляд с меня на своего нового работника, а затем все же махнул рукой.

— Ладно, — сказал мистер Олинье. — Твоя взяла, но знай, спрашивать я буду в два раза больше.

Я и так собиралась работать честно, поэтому бояться мне было нечего. Таким образом у меня получилось вернуть себе работу и даже сохранить свой прежний доход. Грузным мужчиной, что заменял меня на время моего отсутствия, оказался добряк Эйф. Без работы он в итоге тоже не остался. Мистер Олинье открыл еще одну лавочку, дальше по улице, и Эйф стал перевозить продукцию из одной пекарни в другую. Мы даже смогли с ним подружиться. Он был таким добрым, что временами казался наивным. Я даже как-то нашла под прилавком список людей, кому он давал булочки в долг. И этот долг, конечно же, никто не вернул.

Теперь становилось понятно, откуда такой ажиотаж и почему образовывалась очередь у пекарни. Когда жители узнали, что есть возможность поесть нахаляву, то непременно решили ею воспользоваться. А недостатки мистера Олинье не видел лишь потому, что Эйф отдавал свои деньги в надежде, что когда-нибудь их вернут.

С мачехой у меня сложились более-менее нейтральные отношения. Каждый из нас соблюдал свои договоренности, но я жила с такими родственниками, как на пороховой бочке, и никогда не знала, что взбредет им в голову. Тем не менее, как и обещала, я готовила на всех завтраки перед тем, как отправиться на работу, а в свой выходной помогала с готовкой Эвелин, потому что у сестры получалось из рук вон плохо, и приходилось ее многому учить.

Как только появилась трудотерапия, Эвелин изменилась внешне. Ручки ее стали уже не такими белоснежными, а иногда под глазами появлялись темные круги, которые она тщательно пыталась скрыть пудрой.

Однако девушка не жаловалась, а Теодора продолжала верить, что благодаря таким нагрузкам у ее единственной дочери скоро появится истинный.

— Вот выйдет Эвелин замуж, — мечтала за завтраком мачеха, — и заживем. Переберемся в дом супруга. Там и слуги будут, и... — тут Теодора переводила взгляд на меня и морщилась. — И не будет тебя.

— Неужто меня на произвол судьбы бросите? — наигранно вздыхала я. — А как же обещание, данное отцу?

— Не пропадешь, — махала рукой Теодора, даже не замечая издевки в моем голосе, так как на самом деле я была бы только рада избавиться от своих родственников.

После моего трудоустройства настроение у мистера Олинье поднялось. Я не собирала очередь, при этом выручка хуже не стала, а вторая лавка пекаря тоже стала развиваться, и он активно искал еще одного продавца.

Казалось, можно было расслабиться, вот только я не планировала задерживаться в этом мире. Если есть вход, то есть и выход. А на Земле у меня сын, и ради него я должна была вернуться. В воспоминаниях Амелии ничего не было о путешествиях между мирами. Так что придется не раз наведываться в городскую библиотеку и изучать информацию.

Я настолько скучала по Максиму, что стала с ним сравнивать местных парнишек, искала в них знакомые черты, надеясь... сама не знаю на что. А когда видела проходящую по улице счастливую семью, то мое сердце и вовсе сжималось от боли. Так я и обратила внимание на худенького сутулого паренька лет четырнадцати. Одет он был в заштопанную одежду, темные волосы лоснились от грязи, а вот глаза светло-зеленые, такие же, как и у Максима.

Парнишка несколько раз заглянул в пекарню, будто кого-то выискивал и не находил. А когда в заведении стало больше посетителей, он набрался смелости и подошел.

— Доброго дня, тетенька, — сказал он мне.

— Доброго, — поздоровалась я с ним и снова переключилась на покупателей. Отпускать мальчика просто так не хотелось, поэтому я решила поддержать разговор, параллельно работая. — Ищешь кого?

— Раньше здесь работал мужчина, — неуверенно произнес он, внимательно оглядывая витрины с выпечкой. — Высокий такой.

— Эйф? Он за прилавком уже не работает, сейчас развозом занимается. Может быть, мне ему что-нибудь передать?

— Нет, не нужно, — отказался парнишка.

Я уже решила, что он уйдет, и тут краем глаза заметила, как малец ловко утаскивает с прилавка булку с абрикосовым повидлом, рассчитывая, что я занята покупателями и не увижу кражи.

Умен. Выбрал удобный момент, подождал, пока в заведении будет много народа.

— А ну стоять! — я быстро выбежала из-за прилавка и схватила воришку за руку. — Ты что удумал такое?!

Малец стал активно вырываться, рукав на кофте его растянулся и послышался треск ткани. Он пытался, пытаясь освободиться, а потом и вовсе откинул злополучную булку в сторону. На его глазах появились слезы, и сердце мое болезненно сжалось.

«Что же ты делаешь, Настя?» — задала я вопрос сама себе. — Устроила непонятно что ради какой-то булки».

В голове что-то щелкнуло, и я мгновенно успокоилась.

— Голоден? — поинтересовалась я.

— Нет, — надулся парнишка и отвернулся, чтобы не смотреть на меня.

— Ах ты шавка! — возмутилась дама, ожидавшая, пока я вернусь за прилавок и обслужу ее. — Нужно жандармов звать! Иначе так и продолжит бегать по улицам и воровать у честных людей.

— Не нужно жандармов, — покачала я головой и, наклонившись, тихо сказала мальчишке: — Приходи к закрытию, я тебе дам булочки бесплатно, только не воруй.

Взяла с прилавка еще один пирожок, вручила ее удивленному мальчишке и только после этого отпустила его руку.

Надежды на то, что он вернется, не было никакой. Однако как только я посчитала выручку и собрала остатки выпечки, то увидела, что мальчишка неуверенно ходит возле пекарни, то и дело оглядываясь, будто ищет причину, чтобы не зайти.

Но я знаю, что такое голод, сама недавно голодала благодаря мачехе. Я вышла на улицу. Видимо, без моего пинка он не решится.

— Хватит ходить кругами, — улыбнулась я. — Заходи, у меня булочки остались. Угощу. Малец глянул на меня своими зелеными глазами, и я рвано выдохнула.

Как же он похож на Максима...

Не знаю, с чем ему пришлось столкнуться раньше, но выглядел парень, как загнанный в ловушку зверек. Ему стоило приложить усилие, чтобы довериться мне и войти в пекарню, а я специально дверь за ним не закрыла, как бы намекая, что он в безопасности и уйти может в любой момент.

— Я думал, вы пошутили, тетенька, — произнес он, внимательно оглядывая помещение. — Приду, а здесь уже закрыто все.

— Над тобой уже шутили так? — ужаснулась я, подходя к витрине, чтобы достать ему пирожки.

— Мистер Твинс обещал нам теплую одежду к зиме, — шмыгнул носом парень. — А когда я пришел, чтобы ее забрать, то он посмеялся мне в лицо и сказал, что бесплатно ничего в этом мире не бывает. Что я должен был прийти не один, а со своей сестрой. А лучше вообще, чтобы она пришла самостоятельно. Не знаю, правда, для чего.

«Лучше тебе и не знать», — подумала я.

— Теперь я буду в курсе, что лавку мистера Твинса нужно обходить стороной, — процедила сквозь зубы я, крепко сжимая в руках выпечку от злости.

— Не подумайте, тетенька, я не жалуюсь. Понимаю, сейчас всем трудно. Но есть люди, которые еще нам помогают. Такие, как вы или дяденька, что работал до вас.

Да, Эйфа после этого я заужала еще сильнее.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я.

— Бруно, тетенька.

— А меня Амелия. И обращай ко мне по имени, я не против.

— Хорошо, тетенька, — кивнул Бруно и принял у меня из рук пакет с булками. — Спасибо, что не вызвали жандармов и что помогли. Мне скоро исполнится четырнадцать, и тогда я смогу устроиться на работу. После этого обязательно с вами рассчитаюсь.

Да, судя по воспоминаниям Амелии, брать на работу детей, которым еще не исполнилось четырнадцать, нельзя. За это жандармы могут оштрафовать.

— А где твои родители? — задала я вопрос, который целый день меня мучил. Хотя тут и так все понятно... Наверное, спились, а дети ходят побираются.

— Так война же, — хмуро заметил Бруно. — Отца забрали защищать границы пять лет назад, а мать уже как два года слегла от простуды и... больше не проснулась. Нас таких много, вот мы и ютимся у Рамира, он старше, и ему в наследство остался дом.

— Подожди, нас? — охнула я.

Война в воспоминаниях Амелии действительно была. Война с нечистью, со скверной, которая то и дело прорывалась из бездны. Насколько девушке было известно, все силы были направлены на то, чтобы защитить города. Для этого поставили сильный магический купол, а на границе с этим куполом сражались люди и маги под руководством драконов. Они и следили, чтобы всякая гадость не добралась до обычных жителей.

— Приюты переполнены, — как ни в чем не бывало пожал плечами Бруно. — К тому же иногда жить вне приюта намного проще, чем в нем. Я хотел там оставить свою сестру, чтобы ее хотя бы кормили и держали в тепле, но... Ливиара очень упертая. Сказала, что без меня оставаться там не будет.

— И сколько вас? — Голос мой дрогнул, а глаза предательски защипало.

Сердце подсказывало, что Бруно не врет. И все действительно обстоит так, как он рассказывает. Не знаю, что происходило в этих приютах, но Амелия тоже в свое время боялась туда попасть. Хотя мачеха и пыталась избавиться от падчерицы.

— Так каждый раз по-разному, — почесал затылок Бруно. — Вчера нас было около десяти, до этого четырнадцать.

— И куда подевались остальные?

— Так откуда же мне знать, тетенька?

Я еще раз посмотрела на витрину и поняла, что не смогу с собой ничего забрать. Кусок в горло не полезет, зная, что толпа детей будет сегодня голодать.

— Ну, тетенька, я тогда пойду. Спасибо вам за все, — попрощался со мной Бруно.

— Подожди.

Я быстро собрала в пакет оставшуюся выпечку и протянула ему.

— Угости остальных. И приходи завтра. Наверняка что-то останется.

Вот так я и познакомилась с удивительным ребенком, который до боли напоминал моего сына. Голову то и дело посещали плохие мысли, что Максим сейчас ходит также и попрошайничает, потому что в новой семье ему явно не рады, и от этого мое стремление вернуться на Землю только увеличилось.

Однако успокоилась я рано. Стоило в один из вечеров явиться домой, как с самодовольной ухмылкой на лице меня встретила мачеха.

— Снова без выпечки? — усмехнулась она.

Привыкла Теодора, что я не только деньгами, но и едой помогаю.

— Ничего не осталось, — вздохнула я. — Все разобрали.

— Бре-ешишь, — по обыкновению протянула она и сощурила свои маленькие глазки. — Видела недавно, как к тебе отщепенцы бегают, а ты их за мой счет еще и кормишь.

— За ваш счет?! — возмутилась я. — Смею напомнить, что я работаю.

— Работаете и обманываете своего работодателя, — оскалилась Теодора. — Рассказала ему, что я тебя заставила жалованье тебе поднять.

Я побледнела. Как она узнала?

— Что? Не ожидала? Дуру из меня решила сделать? Не позволю! Со следующий выручки ты мне отдаешь пятьдесят процентов своего заработка. Или я вновь буду против твоей работы. Выбирай.

Теодора развернулась и скрылась в столовой. Ужина никакого не было, как позже сказала мачеха, если я не приношу домой продукты — то остаюсь без еды.

Ей удалось поставить меня перед выбором. Но здесь даже думать не пришлось. Сейчас от меня зависела не только моя жизнь, но и жизни ребят, которые по злой воле судьбы остались никому не нужны.

Глава 5

Пять лет спустя

— Единственная книга, которую вы еще не читали, — улыбнулся библиотекарь и протянул мне увесистый том по энергетическим потокам мироздания. — Неужели в нашем городе настолько скучно, что, кроме чтения, юная дева больше не может найти для себя никаких занятий?

Библиотекарю мистеру Баунту было под пятьдесят, а за его спиной стояли жена и дети, так что его похабная улыбочка и тонкие намеки мне не нравились. Уже не в первый раз он меня пытался позвать на «свидание». Ну, как на свидание. Под этим он понимал жаркую ночь в библиотеке после закрытия, после чего он вернется домой, к своей семье. Так как, на его взгляд, опозоренной драконом девице предложить было больше нечего. Это все проделки Теодоры, которая на протяжении всех этих лет не забывала упоминать в разговоре с соседями, какой падшей стала ее падчерица.

Настолько падшей, что даже истинный не дождался брачной ночи и улетел. Так что приставаниям библиотекаря я не удивлялась. Просто противно.

Иными словами, жилось мне не сладко. Но я не отчаивалась и тратила все свободное время на поиск информации о возвращении на Землю.

Не знаю, как это будет. Мое родное тело наверняка похоронили, но вдруг я смогу переместиться в теле Амелии? Не узнаю, пока не попробую. Поэтому уже несколько лет моя жизнь состояла из следующих действий: будни – работа-дом, выходные – дом-библиотека.

Но с этого момента все изменится, так как в руках я держала последнюю книгу. С ней я и прошла в читательский зал, так как забирать что-то домой было категорически запрещено. Ходили слухи, что прорывов становится больше и появляются они в самых неожиданных местах. А это означало, что в случае опасности библиотекарь погрузит все издания и отвезет их в безопасное место.

Книги здесь были на вес золота, имелось много старых фолиантов, и государство не могло их потерять.

Я провела за чтением последнего издания весь день, однако ничего про другие миры не нашла. С каждым таким походом в библиотеку веры на лучший исход во мне становилось все меньше, но я вновь вспоминала про Максима, который и давал мне последнюю надежду.

Я должна вернуться домой. И все для этого сделаю.

Ближе к вечеру я отдала книгу библиотекарю и отклонила еще одно приглашение на встречу интимного характера, после чего отправилась домой. Что делать дальше, я не знала, но постараюсь обязательно что-нибудь придумать.

Когда на следующий день я пришла на работу, Ливиара, младшая сестра Бруно, уже стояла за прилавком и готовила чай. Идея, которую я предложила мистеру Олинье пять лет назад, как я и предполагала, принесла успех и процветание бизнеса.

— Как вы смотрите на то, чтобы вместе с булочками продавать чай или горячий шоколад? — поинтересовалась тогда у пекаря я.

— Тоже об этом думал, — ответил мистер Олинье. — Но помещение слишком маленькое. Людям здесь негде будет расположиться, а налогов на расширение пространства — не оберешься. Это того не стоит.

— Но можно же продавать напитки на вынос, — удивилась я, вот только мистер Олинье посмотрел на меня как на умалишенную.

— И как ты себе это представляешь? — усмехнулся он. — Люди будут ходить по улице с моими керамическими чашками?

Тогда я и рассказала пекарю про идею с бумажными стаканчиками, даже нарисовала, как они могут выглядеть.

Он задумался, но затем сказал, что это все невыполнимо. А если и выполнимо, то опять же дорого. Однако через месяц мистер Олинье вернулся к этой затее. Он нашел человека, который согласился поработать с бумагой и сделал ему партию таких стаканчиков.

Жителям города идея с напитками пришлась по вкусу, теперь они брали с собой не только выпечку, но и чай. Жаль только кофе в этом мире не было. Для варки горячих напитков мистер Олинье нанял еще одну девушку, которая работала со мной в паре. Но год назад она уволилась, так как вышла замуж, а ее муж был против работы. К этому времени Ливиаре исполнилось четырнадцать, и я предложила ее кандидатуру. Сейчас девушке как раз были нужны деньги, тем более работой она не брезговала, как и Бруно.

Его, кстати, я заставила пойти в местную Академию магии, чтобы проверить наличие силы. Отец Бруно и Ливиары магией владел, именно поэтому его забрали на войну. И пусть за все эти годы известий о нем не приходило, ребята надеялись, что их отец жив.

Магия в Бруно действительно была. Это выяснили на вступительных экзаменах. Проблема оказалась только в том, что с девяти лет он был предоставлен сам себе, и ни о какой учебе не могло быть и речи. А если с ребенком не заниматься, то и развитие у него будет совершенно другое.

С Амелией тоже никто не занимался. Отец до своей смерти успел ее обучить только чтению и письму, а мачеха, естественно, обучала другим наукам. Трудовым.

Так что Бруно в Академии учился с трудом. Сейчас любые маги были на вес золота, поэтому его и взяли. А я не переставала надеяться, что к его выпуску война закончится. Люди найдут способ навсегда запечатать бездну, и Бруно на границу не заберут, а вместо этого он найдет высокооплачиваемую работу как образованный человек.

— Амелия, тебе сделать чай? – поинтересовалась Ливиара, как только меня увидела.

Ну, хоть не тетенька... А то у Бруно так и не получилось убрать из обращения ко мне это слово.

— Да, дорогая, буду тебе очень благодарна.

Пока я снимала верхнюю одежду и подготавливала свое рабочее место, Ливиара приготовила мне ароматный ягодный чай. У девушки он очень хорошо получался, из-за чего мистер Олинье даже поднял на него цену.

А затем дверь в пекарню отворилась, и вошел Бруно.

— Ты почему не на учебе? – удивилась Ливиара.

Я тоже бросила на него недовольный взгляд. Договаривались же.

— Мне ко второй лекции, — поморщился Бруно, ему очень не нравилось, когда сестра или я начинали его контролировать. — А пока у меня есть важные новости.

— Какие? — встрепелась я, а Ливиара пошла заваривать чай еще и брату.

— Помнишь, ты просила меня проследить за Теодорой и этой выскочкой?

Выскочкой он называл мою младшую сестренку, так как с первого дня знакомства между ними сложились очень непростые отношения.

— Так вот, — продолжил Бруно, — я кое-что узнал.

Я мгновенно подобралась, готовая слушать. Ливиара как ни в чем не бывало отошла в сторону и принялась готовить и приводить в порядок рабочую зону к открытию, не мешая нам секретничать.

Все началось с год назад, когда я заметила, что поведение мачехи и Эвелин изменилось. За эти годы наши отношения теплее не стали, но все это время мы старались придерживаться нейтралитета и установленных правил. Задерживаться в этом мире я не планировала, так что меня все устраивало. И даже на мелкие пакости со стороны Теодоры я старалась внимания не обращать.

Однако держала ухо востро. Поэтому и начала замечать, когда мачеха стала пропадать вечерами и Эвелин забирала вместе с собой. К тому же у сестренки пополнился гардероб, появились качественные, красивые вещи. И я сильно сомневалась, что этому способствовали те пятьдесят процентов, что я отдавала со своей зарплаты. Мне и самой еле хватало, чтобы обновить одежду к зиме, приходилось торговаться и экономить, так как я старалась еще и откладывать на черный день.

Когда живешь с такой женщиной, как Теодора, он может наступить в любой момент.

Изначально я подумала, что мачеха нашла для своей дочери богатого мужчину, но потом отменяла эти мысли. Цель Теодоры – не кратковременное удовольствие, она не станет портить репутацию Эвелин, ради сиюминутных денег и подарков, ей была необходима долгосрочная перспектива.

К тому же мачеха не теряла надежды пристроить дочурку в хорошие руки, поэтому временами заставляла Эвелин заниматься минимальными домашними делами, веря, что таким образом та сможет обрести своего истинного.

— И что же ты узнал? – поинтересовалась я шепотом.

— Вчера вечером они ездили в театр на арендованном экипаже. Довольно-таки дорогим, если судить по внешней отделке и украшениям. Да и выглядели дамы словно великосветские особы, — после этих слов Бруно поморщился. — Я подождал, пока закончится спектакль, думал, что они выйдут в сопровождении мужчины. Уж очень хотелось посмотреть на того, кто решил связать свою жизнь с этими мегерами...

Ясно. Бруно тоже подумал, что все дело в богатом покровителе.

— Но покинули театр они в одиночестве, а затем зашли в одно из самых дорогих заведений в городе, просидели там около часа и на том же арендованном экипаже вернулись домой.

У меня в голове был только один вопрос. Откуда деньги?

Продолжить разговор с Бруно мы так и не успели, так как прозвучал звонок дверного колокольчика, оповещая нас о первых посетителях. И я уже приготовилась приступить к работе, натянула на лицо дежурную улыбку, но она быстро сползла, когда я увидела, кто пришел.

Для чего они притащились с утра? Чтобы испортить мне настроение?

— Ты чувствуешь, какой в этом помещении неприятный запах? – поинтересовалась у дочери Теодора и подошла к витрине с выпечкой.

Мачеха и ранее приходила ко мне на работу, все стесалась при покупателях, как ей не повезло с падчерицей, которая опозорила всю семью и бросила тень на кристально-чистую репутацию ее дочери, оттого Эвелин и замуж до сих пор выйти не может. Посетители пекарни бросали на меня насмешливые взгляды, а кто-то и вовсе уходил без покупок. Благо за все это время мистер Олинье ни разу меня этим не попрекнул, и работы я не лишилась. Изначально меня очень раздражало такое поведение Теодоры, и я очень хотела ей ответить, а потом поняла, что мачеха только этого и ждет. Она жаждет устроить прилюдную порку, стоит мне только высказаться, как она вступит со мной в перепалку и покажет всем, что я еще и огрызаюсь. Поэтому я выбрала для себя стратегию кротко молчать и опускать в пол глаза, как бы делала Амелия, и Теодору такое поведение сильно злило.

Зачем же эта женщина пришла? Она прекрасно видела, что в пекарне на данный момент находится только Бруно, который смотрел на них исподлобья, и концерт устраивать не для кого.

— Да, — Эвелин смешно сморщила свой миниатюрный носик, — пахнет чем-то протухшим.

— Но вряд ли это от выпечки, — процедила сквозь зубы я, намекая что запах идет от самих гостей. — У мистера Олинье еда всегда свежая.

— А мы и не про выпечку, дорогая, — оскалилась Теодора. — Я имела в виду всякое отребье, которое позволяет себе следить за приличными дамами.

После этих слов Бруно подскочил со стула, да так резко, что тот отъехал в сторону. Лицо парня покраснело, а грудь вздымалась от частого дыхания.

— Вы кого назвали отребьем? – прохрипел он, переводя взгляд с Теодоры на Эвелин.

— А как тебя еще назвать? – поморщилась Теодора. – Вспыльчивый, агрессивный. Да и к тому же глаз на мою Эвелиночку положил. Ты же поэтому за нами следил? Понравилась? Так вот, забудь про нее. Она никогда не свяжет жизнь с таким падшим, грязным ублюдком, как ты.

Ливиара громко охнула и прикрыла рот ладошкой. Ее глаза наполнились слезами оттого, что унижали ее старшего брата, да и у меня сердце разрывалось от боли.

Это я во всем виновата. Зачем только попросила Бруно о помощи? Он что, детектив? Могла и сама со всем справиться. Но у меня попросту не было на это времени.

— Давайте не будем ссориться, — примирительно начала я. — И не нужно оскорблять Бруно, вы о нем ничего не знаете. Между прочим, в этом году он поступил в Академию...

— Это ненадолго, — с ухмылкой перебила меня Теодора. — Есть у меня знакомые в жандармии. Я как раз хотела тебя предупредить, что собираюсь подать заявление на Бруно за преследование, вряд ли в Академии поощряют такое времяпрепровождение среди адептов.

Вот теперь я окончательно сникла и почувствовала, как холодеют руки. Мы столько работали над этим поступлением, так старались. Я выделила из своего бюджета приличную сумму, чтобы пошить для Бруно одежду, дабы он не выделялся среди сверстников. Все ради его будущего... и сейчас оно рушится. Из-за меня.

— Не надо, — прохрипела я и решила признаться. Хуже уже не будет. — Это я его попросила.

Однако меня уже никто не слышал. Последние слова Теодоры окончательно разозлили Бруно.

— Да, я преследовал вас, — с нехорошей улыбкой произнес он. — К тому же, если бы вас не было рядом, я бы еще сделал вот так...

Не успели все опомниться, как Бруно схватил Эвелин за руку, привлек ее к себе и с жаром поцеловал, яростно сминая губы.

От такого поступка опешила даже я. Первая пришла в чувство Теодора, она громко завизжала и кинулась к парню, пытаясь разнять целующихся, но Бруно так увлекся этим процессом, что не обращал на визжащую мачеху никакого внимания.

— Отпусти! Отпусти немедленно! Эвелин не для тебя! Низкий! Падший! Пес дворовой!

Каждое слово сопровождалось ударом. Затем к парочке подскочила Ливиара, которая тоже попыталась оттащить брата от вяло брыкающейся в его руках Эвелины. В зале началась суматоха. Я вышла из-за прилавка в надежде, что смогу решить образовавшийся конфликт мирно, но не успела приблизиться к ругающимся, как упала от сильного толчка.

Вместе со мной полетела на пол Теодора, Ливиара успела схватиться за стол, а дрожащую Эвелин удержал в руках Бруно, который крепко стоял на ногах.

Затем последовал еще один толчок. Потом еще. И началось самое настоящее землетрясение.

Глава 6

В ушах появился неприятный звон, а голова закружилась. Где-то рядом застонала Теодора, а с улицы стали доноситься душераздирающие крики. Толчки продолжались, с потолка посыпалась штукатурка, а я все никак не могла сообразить, как нужно действовать в данной ситуации, чтобы остаться в живых. Где безопасней? Как вообще нужно себя вести во время землетрясения?

Это же землетрясение?

— Что происходит? – хрипло спросила я.

Я поднатужилась и нашла в себе силы присесть и опереться спиной об витрину.

— Ничего хорошего, — мрачно произнес Бруно, продолжая придерживать за талию испуганную Эвелин. — Если я не ошибаюсь, то случился прорыв.

— Прорыв? – пискнула Ливиара.

На моей памяти, и памяти Амелии, прорывов в этом городе не было, границы всегда надежно охраняли, так что же произошло?

— Нам нужно уходить, — продолжил Бруно. — Чем дальше мы окажемся от этого места, тем лучше.

Бруно подал свободную руку Ливиаре, но тут заупрямилась Эвелин.

— Мама! Мы должны ее забрать! Мы не можем ее оставить!

Я перевела взгляд на Теодору и поняла, что мачеха без сознания.

От отчаяния хотелось выругаться вслух. Толчки становились сильнее, казалось, еще чуть-чуть, и здание не выдержит. Я подползла к Теодоре на четвереньках и перевернула ее. Все ее лицо было в крови. Скорее всего, она ударилась о витрину, когда падала.

— Теодора! – я с силой похлопала мачеху по щекам, про себя отметив, что всегда об этом мечтала. – Теодора, очнитесь!

Мачеха в себя не приходила, но я видела, как вздымается ее грудь от размеренного дыхания. Жива.

— Что ты делаешь?! – взревела Эвелин. – Ты же ее бьешь!

— Мне нужно привести ее в чувство! – огрызнулась я и стала вновь тормошить мачеху, но безрезультатно. — Она потеряла сознание, — сообщила я Бруно. — Ей нужен лекарь. Вряд ли она сама сейчас очнется.

Бруно пробурчал себе под нос ругательство, а затем подвел Эвелин и Ливиару к стене, где висели полки, за которые можно было держаться. При очередном толчке парень чуть не упал, но все же смог подобраться ко мне и помочь встать. Затем он поднял тело мачехи на руки и перекинул через плечо, будто это был мешок картошки, а не человек.

До поступления в Академию Бруно работал разнорабочим, ему не впервой таскать тяжести, да и в Академии была хорошая физическая подготовка. Кряхтя, Бруно согнулся, но на ногах удержался, и мы потихоньку стали пробираться к выходу. Нам повезло, в этот момент толчки прекратились. Наша компания довольно быстро вышла на улицу, и у меня перехватило дыхание. Люди кричали, толкались, пытались куда-то бежать. А на земле, недалеко от пекарни, появилась длинная трещина, и с каждым толчком она разрасталась.

В воздухе витал запах гари и озона. В ушах продолжало звенеть – то ли от криков, то ли от того, что при падении я ударилась головой. Но по-настоящему мое сердце замерло, когда я увидела по ту сторону трещины добряка Эйфа. Он как раз возвращался из пекарни, которая расположилась на другой стороне улицы, и должен был привезти нам булочки. Видимо, с последствиями разлома Эйф и его лошадь, запряженная в телегу, столкнулись, лишь когда подъезжали к пекарне. Сейчас же он спешил и растерянно оглядывался по сторонам.

— Эйф, — простонала я. — Как ребенок маленький.

— Нам нужно уходить, — твердо произнес Бруно. — Сейчас сюда должен прилететь отряд военных драконов, они быстро разберутся с разломом и приведут все в порядок.

Однако никакого отряда поблизости не наблюдалось, зато Эйф вздумал геройствовать. Воспользовавшись тем, что наступило затишье и толчки прекратились, он взял ящик с выпечкой для нашей пекарни и направился к трещине, явно намереваясь ее перепрыгнуть. И никто не собирався его останавливать, люди продолжали испуганно кричать и в панике покидали рынок.

— Эйф! — закричала я и выбежала вперед, чтобы он меня увидел. — Не вздумай! Оставайся на месте!

Но он не слышал меня и уверенно шел к трещине, крепко сжимая в руках ящик. В этот момент я молилась лишь об одном — чтобы не последовало новых толчков.

Но либо в этом мире существовали не те Боги, либо я произносила не те молитвы. Потому что, как только Эйф приблизился к трещине и приготовился прыгать, произошел новый толчок.

Стекла в соседних зданиях задребезжали, из-под земли донесся страшный гул, от которого мурашки побежали по коже. Ливиара захныкала, а Эвелин прижалась к плечу Бруно.

Бруно прав, нужно бежать. Оставить это место, чтобы разбирались профессионалы, маги, драконы, или кто там должен разбираться? Но как я могла уйти, когда по ту сторону трещины от толчка упал Эйф. К счастью, он остался на земле, а не провалился в бездну, но ящик с выпечкой выскользнул у него из рук и отъехал в сторону, ближе к трещине.

— Эйф! — снова крикнула я и подошла еще ближе, чтобы он меня увидел.

Но мне не повезло. Эйф встал на четвереньки и медленно пополз к ящику. Похоже, ни землетрясение, ни разлом его не пугали, для него было главное, чтобы выпечка не упала.

Для привлечения внимания я стала прыгать и размахивать руками.

— Эйф! Немедленно уходи! В бездну эти булки!

Наконец-то Эйф меня услышал. Он остановился, поднял голову и встретился со мной взглядом.

— Амелия, — прочитала я по его губам, и добряк улыбнулся.

И больше я ничего не видела, так как гул, исходивший снизу, сильно ударил по ушам, а затем из трещины выпрыгнуло существо.

Его появление было подобно взорвавшейся бомбе. Если люди раньше просто паниковали, то сейчас началась настоящая истерика и давка. А я замерла на месте, будто вросла ногами в землю. Вместо того чтобы бежать и прятаться, я пыталась хотя бы вдохнуть, чтобы не потерять сознание. От страха. От паники.

Если на Земле существует ад, то создания, которые в нем обитают, выглядели бы именно так.

Существо издало пронзительный визг, который ударил по барабанным перепонкам, и стало медленно распрямляться, будто оно в бездне сидело в заточении и сейчас у него наконец-то появилась возможность выпрямиться в полный рост.

Монстр оказался высоким и жилистым. Его тело было покрыто жесткой шершавой кожей ярко-красного цвета, словно из расплавленной лавы. На его теле выделялся каждый мускул, а на голове возвышались два длинных закрученных рога, черные, как смоль, и острые, как лезвие. Глаза горели ярко-желтым светом, и как только монстр посмотрел на меня, все внутренности покрылись льдом от ужаса.

Его взгляд смотрел в самую душу, вытаскивая на свет все мои тайны — и то, что я иномирянка, и то, что настоящая Амелия мертва, а я заняла ее место и нагло пользуюсь благами этого мира.

«Аме-е-лия, — пророкотал скрипучий голос в моей голове. — Или Настя?»

На морде этого создания появилась улыбка, обнажившая желтые клыки. Он нашел свою жертву, которая идеально ему подходила. Не сопротивлялась, не пыталась убежать. Стояла как истукан на месте и ждала... непонятно чего.

“Хочешь вернуться домой, Настя? Мы можем сделать это вместе...”

Монстр сделал в мою сторону шаг... Позади я услышала голос Бруно, который что-то мне кричал, но я не могла разобрать что. Сейчас вокруг меня ничего и никого не существовало. Только я и это создание, выбравшееся из бездны и испепеляющее меня своим острым взглядом.

И самое ужасное, я не могла сдвинуться с места. Не могла пошевелиться, не могла прийти в чувство.

И я уже подумала, что умру и в этом мире. Сейчас меня разорвут на части, и поминай как звали. Но вдруг монстр оскалился и резко обернулся.

Стоило нашим взглядам разорваться, как я рвано выдохнула и пришла в себя. Он же меня только что чуть не убил. Если бы не...

Если бы не Эйф, который встал на ноги и бросал в это чудовище камни. Один, второй, третий... Добряк Эйф подбирал с земли все, до чего дотягивались руки, и швырял в монстра, чтобы отвлечь от меня внимание.

— Нет, — пробормотала я себе под нос. — Нет, нет, нет!

Монстру из бездны я стала не нужна, он нашел для себя новую жертву. Я даже с расстояния видела, как Эйф побледнел от страха в тот миг, когда чудовище одним размашистым шагом переступило трещину.

Не прошло и мгновения, как существо приблизилось к Эйфу и ухватило его когтистыми лапами.

— Тебе нужна была я! Отпусти его! — Я что есть силы закричала, упала на колени, но этот крик потонул среди общего шума. До меня никому не было дела. Как и до Эйфа.

Монстр сейчас его задушит, разорвет на части, я не могу на это смотреть...

Но тварь не успела причинить непоправимый вред Эйфу – в ее сторону полетела яркая голубая вспышка и ударила в спину. Чудовище взревело от боли и откинуло от себя Эйфа, словно тот был тряпичной куклой. Тело Эйфа врезалось в соседнее здание и упало на землю. Я оглянулась и увидела, как Бруно, пусть и неумело, формирует в ладони магию, она-то и ударила в монстра.

Вот только проблема была в том, что Бруно, пусть и физически сильный, был первокурсником и с трудом мог управляться со своей магической силой.

Монстр перевел на Бруно такой взгляд, будто собрался съесть его, не разжевывая. Но тут черная тень закрыла собой солнце, и когда я подняла голову, увидела огромного белого дракона.

Он снижался, кружа над торговой площадью, и издавал рокот, от которого по телу побежали мурашки.

Люди, до этого панически метавшиеся по площади, застыли на месте, не отрывая от него взгляда. В том числе и монстр, который тоже задрал голову. Ему явно не понравилось, что его снова отвлекли. Монстр душераздирающе запищал, согнулся пополам, и, выпрямляясь, выпустил из кожи костяные наросты, похожие на шипы.

Наверняка готовился к очередному сражению.

Пока чудовище увлеклось драконом, я решила бежать. Вышла из оцепенения и поспешила к Бруно, который, как и все, заворожено наблюдал за приближением нового героя.

И только приблизившись к нему, я заметила, что в нашем отряде не хватает бойцов.

— Где Теодора и Эвелин? – я схватила Бруно за руку, но ответила Ливиара.

— Твоя мачеха неубиваемая, — она старалась перекрыть шум. — Как только эта гадость вырвалась из бездны, она пришла в чувство, и прихватив дочь, сбежала. Откуда только силы взялись?

Я хмыкнула. Теодора не переставала меня удивлять. Какие еще способности в ней раскроются? Хотя, скорее всего, действовала она на адреналине, который выработался из-за страха. У меня вон ноги к земле приросли, как только я эту мерзость увидела, так что все может быть.

В этот момент дракон спустился ниже, и я поняла, что если мы не убежим, он задавит нас своей тушей. Настолько огромным было это белоснежное создание. Мы переглянулись с Ливиарой и пришли к одной и той же мысли – нужно убраться как можно дальше. Но Бруно не хотел никуда уходить, он стоял как вкопанный и смотрел на дракона с восхищением. Мы схватили его за руку и стали оттащить в сторону. Бруно не стал сопротивляться, а затем и вовсе побежал вместе с нами, потому что понял: если не отойдет, то погибнет под белоснежной задницей дракона.

Стоило оказаться на безопасном расстоянии, как мы остановились и стали наблюдать за тем, что будет дальше.

Как только дракон спустился ниже, стало понятно, что на торговой улочке он не поместится. И чтобы сразиться с выбравшимся из бездны монстром, нужно было чем-то жертвовать. Этим чем-то стали строения возле разлома, в том числе и пекарня мистера Олинье.

Что-то дракон смял своими массивными лапами во время приземления, а что-то разрушил взмахами крыльев. Они оказались такими острыми, что рассекали крыши одним касанием.

Я смотрела, как рушилась пекарня мистера Олинье, и сердце мое сжималось. Было жалко и пекаря, который вложил в свою работу всю душу, и меня. Это место было моим убежищем и спасением все пять лет. Благодаря ему я могла не лицедрать мачеху и сестренку и зарабатывать хоть какие-то деньги, потому что в других заведениях меня сторонились, а за глаза называли ущербной.

Теперь это место уничтожено. И я очень сильно надеялась, что империя возместит все убытки и поможет пострадавшим.

Тем временем дракон уже крепко стоял на земле и с плотоядной улыбкой взирал на существо из бездны. Но монстр не выказывал страха, издав противный писк, он бросился на дракона, и началась битва.

Большие габариты дракона играли против него. Он то и дело пытался развернуться, чтобы зацепить монстра лапой, хвостом или пастью, но на узкой торговой улочке это было слишком сложно. Пока монстр быстро вокруг него бегал и оставлял точечные раны, дракон лишь больше разрушал здания вокруг, потому что постоянно в них врезался.

— Эх, жаль, что он огонь не выпустит, — вздохнул Бруно.

— Что значит, жаль? — удивилась я. — Если он выпустит огонь, то здесь загорится не только монстр, но и люди. Здания стоят слишком близко друг к другу, огонь быстро распространится. Ничего не уцелеет.

— Тоже верно, — кивнул Бруно.

Наконец дракону удалось пару раз перехватить лапой монстра, но этого было мало. В итоге ему пришлось обернуться в человека, чтобы использовать магию.

Сам оборот не занял много времени, и на месте дракона оказался мужчина со светлыми волосами, собранными в низкий хвост. Издалека его плохо было видно, но когда он применил несколько магических приемов против монстра, хватило нескольких ударов – существо взревело и упало обратно в трещину.

Перепуганные люди стали постепенно приближаться к дракону, из любопытства или за тем, чтобы поблагодарить. Бруно нас тоже схватил за руки, и мы с Ливиарой поплелись за ним. Издалека слышался рев остальных драконов, которые летели на помощь.

— Сейчас они будут сращивать ткань мироздания, — похвастался знаниями Бруно. — Закроют прорыв, чтобы больше из бездны никто не выбрался.

На это было действительно интересно посмотреть, но, стоило мне приблизиться к мужчине, как я моментально его узнала.

«Это мой друг, — всплыли в памяти слова Каледона. — Единственный. Ближе него у меня никого нет. Пока нет».

«Рэтган Блайт», — представился незнакомец и слегка поклонился.

А ведь я была уверена, что драконов из прошлого больше никогда не увижу. Но все изменилось в тот миг, когда мой взгляд встретился со взглядом Рэтгана.

Он сразу выделил меня среди толпы. Его брови слегка приподнялись от удивления, а лицо стало растерянным, словно при виде меня дракон испытал шок.

— Амелия? — прочитала я по его губам.

Рэтгана обступили люди, они высказывали ему свою благодарность или просто говорили, чтобы сбросить нервное напряжение, немного успокоиться и отстраниться от происходящего. Я замерла на месте и снова не могла пошевелиться.

Он меня узнал. В этом не было сомнений.

Рэтган уверенно направился в мою сторону, игнорируя жителей, которые пытались к нему приблизиться. Его взгляд, холодный, сосредоточенный, не сулил ничего хорошего. На меня стали оборачиваться и с любопытством глазеть. Всем было невдомек, почему дракон обратил внимание на обычную продавщицу в булочной.

Даже Бруно перевел на меня удивленный и слегка возмущенный взгляд, словно я от него что-то скрывала. Я поняла, что разговора с Рэтганом не избежать, и решила позорно ретироваться с площади. Помощь от этих людей мне нужна была пять лет назад, так что сейчас я не видела смысла поддерживать с ним дружескую беседу.

Развернувшись и стала пробиваться сквозь толпу, которая, наоборот, спешила к дракону. Сейчас я бы даже появлению монстра обрадовалась, так как встреча с Рэтганом внушала дикий страх. Я боялась, что дракон может почувствовать неладное. Может понять, что настоящая Амелия мертва, а в ее теле попаданка. И неизвестно, как в этом мире с такими, как я, поступают, за все пять лет поисков я никакой информации так и не нашла.

А еще я боялась приближающихся драконов в небе. Почему-то была уверена, что Каледон среди них. Кружится сейчас над площадью и размышляет, куда бы приземлиться, чтобы на рынке было меньше повреждений. Вот с ним я встречаться точно не хотела.

Не оглядываясь, я спешила покинуть площадь, но не прошло и минуты, как на мое плечо легла рука. Сильная. Она сжала плечо мягко, но я не сомневалась, что если Рэтган слегка надавит, то я провалюсь в бездну вслед за монстром.

— Как ты здесь оказалась, Амелия?

Его голос был спокойный и уверенный, но от рычащих ноток у меня сердце усакало в галоп, а кожа покрылась мурашками.

— Я... я не Амелия, — хрипло ответила я. — Вы ошиблись.

Я скинула с себя руку Рэтгана и поспешила удалиться. Страх, что он догонит, заставит объясниться, не покидал меня. Но дракон решил меня не преследовать. И только когда толпа поредела, я остановилась, чтобы перевести дыхание, и обернулась. Рэтган так и стоял в центре площади и неотрывно смотрел на меня.

Благо меня быстро закрыли от его глаз – желающих поблагодарить дракона за спасение становилось больше. Вскоре драконы один за другим стали снижаться на площадь и оборачи-

ваться. Издалека я заметила темноволосую макушку Каледона, его я узнала сразу, и в груди у меня что-то екнуло.

Что-то странное и непонятное, наверное, это были отголоски чувств Амелии, которая была без ума от своего истинного. Возможно, такие эмоции работают в обе стороны, поэтому я снова развернулась и побежала в сторону дома, надеясь, что Каледон обо мне не узнает.

А когда Рэтган расскажет... меня уже не будет.

Хотя, с другой стороны, у Каледона есть жена и ребенок, наверняка он и забыл о неудачной женитьбе.

По крайней мере, хотелось в это верить.

Стоило вернуться домой, как на пороге меня встретила заплаканная Эвелин, и в глубине души у меня появилась отчаянная надежда, что сестра за меня переживала. Однако эти глупые мысли быстро выветрились из моей головы.

— Маменька уже полчаса спит и в себя не приходит, — захныкала Эвелин. — Нужно вызвать целителя. Сходи за ним. А я подежурю у кровати.

— Судя по тому, как твоя мать быстро бежит, с ней все в порядке, — сквозь зубы произнесла я.

Единственное, чего мне хотелось, так это упасть на кровать и забыться глубоким сном, а со всеми проблемами разбираться уже завтра.

Но стоило мне только прилечь, как на пороге комнаты возникла Эвелин, которая встала у меня над душой и выжидающе смотрела.

— Ну чего?! — уже с возмущением спросила я.

— Целитель, — хныкнула Эвелин, — нужен. Если с маменькой случится беда, кто за ней будет присматривать?

Я горько вздохнула и поняла, что сестра от меня не отстанет. Да и присматривать за больной Теодорой не было никакого желания. Так что... придется идти за целителем.

— Деньги есть? — поинтересовалась я, поднимаясь с постели, но Эвелин отрицательно качнула головой и потупила глазки в пол.

— Вчера все в ресторации потратили.

Час от часу не легче. Я попросила сестрицу покинуть комнату, чтобы она не видела мой тайник, а сама отодвинула доску в полу и достала свои сбережения. Грейзов у меня было не так много, но я усердно откладывала, так что один вызов целителя по бюджету сильно ударить не должен.

Глава 7

Дом господина Тейронта находился на соседней с нами улице. Именно его вызывала к себе Теодора, когда заболела сама или болела Эвелин. На меня же грейзы никогда не тратили. Да и болела я на удивление редко. Мой максимум – это легкая простуда, которая протекала довольно-таки плавно и без осложнений. Что странно, потому что у Амелии раньше не было нормальных теплых вещей, и уже из-за этого можно было застудить почки и еще чего похуже.

Но я никак не реагировала на безразличие мачехи к своему состоянию. Еще на Земле поняла, что без лечения организм справляется с простудой за неделю, а с лечением всего за семь дней. А когда мачеха все же поднимала тему моего отменного здоровья, стеноя, что Эвелин болеет чаще, я вновь приплетала ко всему трудотерапию.

— Двигаться нужно больше, — поясняла я. — Тогда и мышцы натренированные, и тело закаленное.

Теодора с этим не соглашалась, но Эвелину начинала гонять чаще.

Так что о стоимости целительских услуг я толком не знала, однако надеялась, что из-за мачехи не разорюсь. Но только я дошла до дома господина Тейронта, как увидела, что он его покидает и спешно идет в сторону площади.

— Господин Тейронт! — окликнула его я.

Он обернулся и дождался, пока я к нему подбегу.

— Амелия, произошло что-то серьезное? Я тороплюсь.

Господин Тейронт посмотрел туда, где сейчас собралось население всего нашего городка, и нервно потоптался на месте.

— Моя мачеха упала во время землетрясения и ударилась головой. Мы как раз были недалеко от разрыва. Она ненадолго пришла в себя, а затем снова потеряла сознание. Мы с Эвелин переживаем.

— Давно она не приходит в себя? — нахмурился господин Тейронт.

— Около часа, — неуверенно ответила я.

Целитель еще раз обернулся в сторону площади, цокнув при этом языком, явно принимая внутри себя трудное решение.

— Хорошо, — вздохнул он наконец, — осмотрю быстро Теодору. Думаю, на рынке сейчас и так достаточно целителей.

— Благодарю, — произнесла я и уже собиралась вместе с целителем вернуться домой, как вспомнила про оплату. Как только господин Тейронт увидел, что я полезла в кошель за грейзами, он легонько сжал мою руку.

— Твои деньги? — поинтересовался он.

Я согласно кивнула.

— Оставь себе, — удивил меня господин Тейронт.

Он был одним из немногих, кто продолжал ко мне хорошо относиться после произошедшего. Под этим я подразумевала, что он меня не обсуждал за спиной, не кривил лицо, показывая свою неприязнь, и явно не считал ущербной.

— Сегодня будет много пострадавших. Будет неправильно, если я начну наживать на чужом горе.

После этих слов целитель размашистым шагом направился к нашему дому, а я поспешила за ним.

— Спасибо, — тихо произнесла я ему в спину.

Внутри все ликовало от радости, что получилось сохранить родненькие грейзы.

Как только целитель оказался в доме, Эвелин тут же проводила его в спальню Теодоры. Работал с мачехой господин Тейронт минут пятнадцать, а затем вошел в кухню, где мы с сестрой его ждали.

— Ничего серьезного, — произнес он, и Эвелин с облегчением вздохнула. — Небольшое сотрясение, месяц ей необходим будет покой, а также нельзя нервничать. Я запустил исцеляющее заклинание в ее теле, после сна она будет чувствовать себя лучше. Правда... на лбу может возникнуть большая шишка. В течение нескольких недель она уйдет. Но может продержаться всего неделю, если использовать косметическую мазь, однако она дорогая.

— На мази денег у нас нет, — уверенно произнесла я, поднимаясь со стола.

Пусть Теодора ходит с этой шишкой, ничего с ней не станет, однако Эвелин перевела на меня негодующий взгляд и обратилась к целителю.

— У меня... у меня есть деньги. Я сейчас принесу.

Сестрица выбежала из кухни, а вернувшись, рассчиталась с господином Тейрентом, и тот вынул из саквояжа мазь для косметических дефектов.

Затем целитель с нами попрощался и отправился на рыночную площадь помогать пострадавшим. Эвелин уже хотела скрыться в комнате матери, но я придержала ее за руку, крепко сжимая локоть, чтобы не сбежала.

— Твоя мать спит, — холодно произнесла я. — А ты пока присаживайся за стол. Нам есть о чем с тобой поговорить.

Эвелин дернулась, чтобы сбежать, но я держала крепко. Насильно усадила сестрицу снова за стол и закрыла двери на кухню.

— Рассказывай, — строго произнесла я.

— Ч-что? — сдавленно спросила Эвелин, вжимая голову в плечи.

Было время, когда сестра обращалась с Амелией холодно и высокомерно, но как только я стала отвечать и огрызаться, не давая себя в обиду, Эвелин сразу суксилась, и в ее поведении появилась настороженность. Наверное, боялась, что я смогу подсыпать ей что-нибудь в еду.

— Дурочку из себя не строй, — прошипела я и, упершись руками в стол, склонилась над ней. — Откуда у вас с Теодорой появились деньги?!

— Так твоя зарплата же... — неуверенно пробормотала сестрица, но я тут же ее оборвала.

— Сказки мне не рассказывай! Думаешь, я не знаю, сколько грейзов зарабатываю и сколько вам отдаю?! Что вы задумали?! Немедленно признавайся.

На самом деле в моей голове всплывали самые ужасные предположения. Вплоть до того, что мачеха решила торговать моим телом, и рано или поздно я войду в свою спальню, а там будет сидеть наш библиотекарь мистер Баунт.

— *Я рассчитался за тебя с Теодорой,* — с плотоядной улыбкой произнесет он, и дверь за моей спиной закроется.

Почему-то я была уверена, что ради собственной выгоды Теодора этим не побрезгует. Я — не Эвелин, меня можно и в расход пустить, если где-то на горизонте появится выгодное предложение.

— Н-ничего не задумали, — пискнула Эвелин, и я увидела, как в ее глазах застыли слезы. — Я не знаю... ничего не знаю.

Пришлось про себя выругаться и отстраниться от сестрицы, давая ей возможность дышать. Либо она не в курсе планов мачехи, либо эти планы и деньги меня не касаются.

Безоговорочно верить Эвелин я не собиралась, но и толку сейчас с ней разговаривать никакого не было, поэтому я оставила ее в кухне, а сама вернулась в спальню и стала размышлять.

Внутри меня появилось неприятное чувство обреченности. Я в этом мире уже пять лет, но не продвинулась ни на шаг к достижению своей цели. Моему сыну исполнилось недавно

восемнадцать, ему-то и мать уже не нужна, а что я... Что в прошлой жизни я могла осесть на комфортном месте и держаться за него, потому что где-то может быть хуже, что в этом мире веду себя так же.

Нужно что-то менять.

От размышлений меня отвлекли голоса на улице и образовавшаяся суeta. Я выглянула в окно и увидела, как соседи напротив загружают в телегу свои вещи. Элайна держала за руки детей, пока ее муж таскал мешки с одеждой, посудой, мебелью. Выглядела женщина испуганной и обреченной, ее дочки хныкали и не понимали, что происходит.

«Они сбегают», — про себя подумала я. Это все из-за разрыва. Если он произошел один раз, то может произойти и второй, пока ткань мироздания будет хрупкой. Это я в библиотечных книгах прочитала. И соседи, видимо, для себя решили, что безопасней будет уехать. Возможно, в другой город или на границу, поближе к драконам...

Я смотрела как господин Карвент загружает последние вещи, затем его семья садится в телегу, и они уезжают... возможно, навсегда.

Я не могла их осуждать, была бы возможность, сама бы так сделала.

Была бы возможность... Я резко отстранилась от окна и стала нервно расхаживать по своей комнате. Затем открыла свой кошель и пересчитала грейзы. Сейчас, когда мачеха находится без сознания, лучшей возможности и не найти.

Грейзов оказалось немного, но достаточно на первое время, если не шиковать и найти работу в течение двух-трех недель. Здесь, на рынке, я нашла себе место за один день, чем другие города хуже? После разрыва у нас начнется суматоха, даже если Теодора пожалуется на меня жандармам, им будет не до моих поисков, и у меня появится время, чтобы уйти.

Окрыленная этой мыслью, я спрятала свои грейзы и вернулась на кухню. Открыла холодильный артефакт и собрала все продукты в сумку. Вяленое мясо, сыр, хлеб и молоко. Все, что можно было употреблять без готовки.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Эвелин, которая продолжала сидеть за столом с раскрасневшимися от слез глазами.

— Не твоего ума дело, — холодно ответила я.

— Но это все наши продукты, — не унималась сестрица.

— Ничего страшного. Купите новые. Деньги есть.

После того как сумка с продуктами была собрана, я покинула кухню, затем дом и направилась в сторону рыночной площади.

Пока я спешно собиралась, на улице пошел первый снег. Он падал так медленно, размеренно, большими белыми хлопьями, как будто насмехался над той суматохой, которая творилась сейчас в городе.

Соседи напротив были не единственными, кто решил переехать. По пути я встретила еще нескольких, которые грузили телегу и арендованные экипажи, и это только начало. Как только остальные увидят, что кто-то ради своей безопасности собрался сменить место жительства, они обязательно последуют их примеру.

Даже мистер Баунт выносил из библиотеки книги. Видимо, этот прорыв и стал тем толчком, когда книги начнут отвозить в безопасное место. Хотя какое место сейчас можно назвать безопасным? Борьба с разрывами идет уже несколько десятилетий, ткань мироздания раньше рвалась только на границах, из-за чего там проживали военные драконы, а сегодня... сегодня как будто все изменилось. Причем не только у меня. У всех.

Этот прорыв показал нам, что мы становимся слабее. И терпим поражение.

Мистер Баунт увидел меня и помахал рукой, подзывая к себе, но я его проигнорировала. После всех гадких поползновений общаться с ним не было никакого желания. Тем более он мне не предложит ничего хорошего. Поэтому я отвернулась, поплотнее укуталась в теплое пальто, которое недавно приобрела, и продолжила путь до торговой площади.

Народу здесь было уже не так много. Драконы улетели, как только закончили срашивать ткань мироздания. Оставили после себя разруху и раненых, испуганных людей. Благо целителей в городе было достаточно, потому что их готовила как раз наша Академия. Они и помогали всем пострадавшим. Кого-то лечили на месте, кого-то отправляли в местный госпиталь. Об этом мне рассказал господин Олинье, который пытался найти в своей разрушенной лавке под грудой каменной технику, в том числе артефакт, что варил чай. Хозяин пекарни до последнего надеялся, что хоть что-то уцелело.

— Я общался с этими... драконами, — кряхтя, произнес он, отодвигая очередной булыжник от витрины. — Успел. Как только услышал о произошедшем, так сразу же побежал к своей лавке, а тут... можно сказать, что лавки больше нет.

— Мне жаль, — хрипло произнесла я. — Я знаю, как вы любите свое дело.

— Да что уж там, — махнул рукой пекарь. — Главное, все живы. И одна моя лавка все же уцелела. Теперь снова начну экономить, чтобы было на что отремонтировать это помещение.

— Империя не поможет? — удивилась я.

— Поможет, — пожал плечами господин Олинье. — Но я решил отдать все деньги на лечение Эйфа. Его мать совсем слабенькая, сама не справится.

Когда я узнала, что Эйф жив и сейчас находится в госпитале, на душе полегчало. Вот кто-кто, а он был достоин счастья. Я вообще не понимала, почему такие, как Теодора, отделяются легкими ушибами, а такие, как Эйф, лежат в госпитале и борются за свою жизнь.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Эйф этого достоин.

— Достоин, — вздохнул господин Олинье. — Он за пять лет всю душу мне вымотал своей медлительностью, но работал честно. Да и человек он хороший. Ты не обижайся на меня, Амелия. Из-за того, что это здание полностью разрушено, я не смогу предоставить тебе место работы. Если я и займусь ремонтом, то уже в следующем году.

— Я все понимаю, — кивнула я, — и пришла не за этим. Господин Олинье, вы не могли бы со мной рассчитаться?

Пекарь внимательно посмотрел на меня и понятливо кивнул.

— Решила уехать? Как и остальные. Правильно, не осуждаю. Тебе давно пора выбираться из этого города, Амелия. Здесь тебя не ждет ничего хорошего, а девка ты молодая, трудолюбивая. За собственное счастье нужно бороться.

После этого господин Олинье достал кошелек и вынул все свои грейзы.

— Это все, что у меня с собой есть, — сообщил он. — Немного не хватает, смогу отдать при следующей встрече.

— Ничего страшного, — заверила его я. — Этого достаточно.

Я забрала свое жалованье и напоследок обняла господина Олинье. По щекам чудом не потекли слезы. Сложно было расставаться с человеком, который стал в этом мире уже родным, но выбора у меня не было. Нужно двигаться дальше.

— Удачи, Амелия, — произнес на прощание господин Олинье. — Пусть Боги берегут тебя. Будь счастлива.

— Спасибо. Спасибо вам за все, — срывающимся голосом произнесла я и выбежала из лавки. Боялась, что могу передумать.

На улице я вдохнула свежий морозный воздух полной грудью и немного успокоилась. Больше не было запаха гари и озона, как только драконы подзалатали ткань мироздания. Единственное, что напоминало о разломе — разрушенные здания. Люди толпились возле них и пытались понять, как жить дальше, а я развернулась и пошла в другую сторону. К дому Рамира, в котором продолжали жить сироты.

Стоило мне подойти к нужному дому и постучать, как дверь открыла Ливиара. Девушка всхлипнула и бросилась ко мне в объятия.

— Амелия, — тихо произнесла она. — Что ж творится-то? Я так переживала... Бруно вернулся в Академию, дети перепуганы, мы не знаем, что делать дальше... Что это у тебя?

Ливиара отстранилась и с любопытством посмотрела на мою сумку.

— Это продукты, — я вручила сумку Ливиаре. — Единственное, чем я могу теперь вам помочь.

Ливиара приняла у меня продукты, изучила содержимое и подняла на меня полные слез глаза.

— Почему мне кажется, что ты таким образом с нами прощаешься?

Всю дорогу я прокручивала в голове слова. Все думала, как буду расставаться с детьми, что им скажу, как объясню свой поступок. Я не могла забрать их с собой, им просто негде будет жить. Сейчас у Рамира обитает семь детей. В другом городе снять жилье на те деньги, что есть у меня, невозможно. К тому же у некоторых здесь вся жизнь и уже есть какая-то работа... Но сейчас все слова выветрились из моей головы. Я смотрела на Ливиару, которая поняла меня всего лишь по одному поступку, и не могла отделаться от мысли, что она видит во мне предателя.

— Мне нужно уехать, — твердо произнесла я, — пока есть такая возможность. Я не могу поступить по-другому, Ливиара.

Сестра Бруно шумно выдохнула, но спорить не стала.

— Как скажешь, — ответила она.

— Господин Олинье еще не скоро восстановит свою лавку, но попробуйте сходить во вторую булочную. Там работает Омега, Эйф с ней хорошо ладил, я думаю... думаю, она пойдет вам навстречу. По поводу вещей обращайтесь только к...

— Мелисе Тарте, — продолжила за меня Ливиара. — Она делает хорошую скидку.

— Ну вот, — улыбнулась я. — Ты и сама все знаешь. Вы без меня отлично справитесь.

— А если снова кто-то пропадет? — поинтересовалась Ливиара.

Это была одна из самых сложных проблем приюта. За все пять лет пропало около десяти детей, и найти мы их так и не смогли, хотя и прочесывали город маленькими группами. Жандармы же отмахивались от наших заявок.

— Они же бездомные, без регистрации, — фыркали они. — Наверняка убежали в другой город, а вы переживаете. Вот если бы они жили в приюте...

Да, если бы они жили в приюте, то тогда бы их искали, а так...

— Действуйте по старой схеме, — ответила я. — К жандармам обращаться бесполезно.

Ливиара понятиливо кивнула, а я уже хотела пойти и попрощаться с остальными детьми, как ее слова, сказанные мне в спину, меня остановили.

— Он спрашивал про тебя.

— Кто?

— Дракон. Который убил того монстра. Спрашивал, как тебя зовут и где живешь...

Я обернулась и уставилась на Ливиару.

— Что ты ему сказала?

— Сказала, что я тебя не знаю. Но он видел, как ты с нами разговаривала. Хорошо, что другие драконы его отвлекли, и у меня получилось ускользнуть. Амелия, это он? Твой бывший муж?

— Нет, — передернула плечами я. — Но спасибо, что ничего не рассказала. Если он здесь еще раз появится...

— Я скажу, что тебя здесь никогда не было, — продолжила Ливиара, и я отправилась к другим детям.

С ними я попыталась попрощаться быстро. Для них я стала старшей сестрой, которая может решить любые проблемы. Они смотрели на меня с такой любовью и нежностью, что сердце мое разрывалось, и я дала себе обещание, что обязательно буду писать и интересоваться

их делами. Не смогу вычеркнуть их из своей жизни. А после того как с объятиями мы покончили, я отправилась к Рамиру. Он был почти моим ровесником, работал подмастерьем у плотника и заботился о каждой сироте, как о родном ребенке.

И я ему была за это благодарна. А еще я была благодарна за то, что он меня выслушал, понял и не предпринял попыток удержать.

— Ты не знаешь, какой обоз в ближайшее время отправится в другой город? — поинтересовалась я. — И с кем не составит труда договориться. Нужно все сделать тихо и без лишних свидетелей.

— Сын моего работодателя завтра утром уезжает с женой, — ответил Рамир. — Я передам ему, что ты хочешь уехать. Он мне должен услугу, так что противиться не будет. Только не опаздывай.

Все складывалось как нельзя лучше. Я вернулась в дом, который погрузился в тишину. Мачеха в себя еще не пришла, а Эвелин заперлась в своей комнате и горько плакала. И пока была возможность, я пробралась в спальню к Теодоре и стала тихо открывать ящики ее тумбочки в поиске своих документов.

Однако первое, что бросилось в глаза, это письма. На бумаге ровным почерком были выведены инициалы «К.Ф.». Прошло пять лет после нашего развода, почему она до сих пор с ним переписывается? Или же это были старые письма? По бумаге не понять, но почему они лежат на самом видном месте?

Разбираться с этим не было времени. Мачеха могла очнуться в любую минуту, поэтому я отложила идею подглядеть чужую переписку и снова занялась поисками, а когда нашла документы Амелии, вздохнула с облегчением. Аккуратно положила вынутые письма на место и так же тихо покинула спальню Теодоры.

Всю ночь меня мучили тревожные сны. Сначала приснился монстр, который выпрыгнул из бездны и кричал мое земное имя. Затем приснился Каледон, который пожимал ему руку и благодарил за то, что он вывел меня на чистую воду. А я кричала и пыталась доказать, что не виновата... что не хотела оказаться в этом мире.

В результате выспаться не получилось. Проснулась я в холодном поту задолго до рассвета. Быстро привела себя в порядок и решила не задерживаться в этом доме. Покину его, пока все спят. Положила в сумку самые важные вещи и собиралась было уходить, как к двери подбежала Эвелин. Растрепанная после сна, в одной сорочке, сестра тем не менее уверенно перегородила мне путь — несмотря на испуг, застывший в ее глазах.

— Амелия, ты куда? — нервно спросила она.

— На прогулку, — хмыкнула я. — Решила свежим воздухом подышать. Отойди.

— Не отойду, — Эвелин округлила глаза и стала переминаться с ноги на ногу. — Ты хочешь сбежать от нас, да? Оставишь меня здесь одну?

— Ты не одна, — спокойно ответила я. — У тебя есть мама. Отпусти меня.

На глазах Эвелин появились слезы. Она пару раз хныкнула, и я уже думала, что сестра своей истерикой разбудит Теодору, но она отошла в сторону и дала мне уйти.

До отправки обоза оставалось около двух часов, и я должна были прийти раньше оговоренного времени. Улицу полностью замело снегом, который не прекращал идти, и мне показалось, что это отличное начало новой жизни. До тех самых пор, пока я не встретила Бруно, идущего мне навстречу.

Увидев меня, он сильно удивился.

— Ты почему не в Академии? — поторопилась спросить я, чтобы хоть как-то обойти тему моего побега.

Я не хотела прощаться с Бруно только потому, что считала его самым родным человеком в этом мире. Когда-то я увидела в нем Максима, и за эти пять лет он действительно стал мне сыном. Человеком, о котором я привыкла заботиться.

— Мне ко второй паре, — ответил Бруно. — А ты это куда собралась?

Я испуганно на него посмотрела.

— Просто... гуляю. Мне так легче думается.

— Это хорошо, а то я боялся тебя разбудить, — вздохнул Бруно. — Я к тебе с хорошими новостями.

— С какими?

— Освободилась должность помощника артефактора в Академии. Магистру Рендольфу нужна помощница.

Глава 8

Я неверяще уставилась на Бруно, с трудом осмысливая его слова. Почему?! Почему эта новость пришла именно в тот момент, когда я захотела кардинально изменить свою жизнь?

О том, чтобы попасть в Академию, я могла только мечтать. На протяжении пяти лет пыталась, но все это время мне не везло. Изначально я сходила и проверила свой дар, но магии во мне не оказалось. Через год я попыталась поступить на факультет теоретической магии, однако прочитанных в библиотеке книг было недостаточно, и я не прошла по баллам. А как только в Академию поступил Бруно, я попросила его отслеживать свободные вакансии, но все места всегда были заняты.

Потому что Академия была не просто хлебным местом, она была местом рыбным. Всем сотрудникам предоставляли бесплатное жилье, полноценное питание и сезонную форму. И это не считая того, что им платили заработную плату. Иными словами, попасть в Академию — было моей мечтой. Я бы смогла съехать от мачехи, при этом откладывать больше грейзов, и, что самое главное, у меня был бы доступ в академическую библиотеку. А она считалась самой большой в городе, даже больше, чем у господина Баунта. Однако доступ к ней был только у адептов и рабочего персонала.

— Помощник артефактора? — шепотом произнесла я, продолжая все это анализировать.

У меня появилась возможность устроиться на хорошую работу и при этом не уезжать из города. Не бросать детей.

— Понимаю, вакансии сложная, — Бруно неверно оценил мое замешательство и подумал, что я сейчас дам заднюю. — Но у магистра Рендольфа не так много времени, чтобы найти себе помощника. У него лекции, внешняя связь с императором из-за новых защитных разработок, а еще постоянная отчетность перед ректором. Думаю, нужно рискнуть.

Я схватила Бруно за руку, и мы вернулись в дом. Нужно разузнать об этой вакансии как можно подробнее, а на морозе делать это неудобно.

— Теодора против не будет? — удивился Бруно, как только я завела его в прихожую, но я отрицательно качнула головой.

— Теодора занята. Она отсыпается, — отстраненно ответила я и повела друга на кухню.

Когда мы проходили мимо спальни Эвелин, то слышали громкие всхлипы. Бруно даже остановился возле двери, но я насильно оттащила его от комнаты.

В одном с Теодорой я была согласна: Эвелин Бруно совершенно не пара. Ему нужна другая девушка.

Взъерошив волосы, Бруно присел за стол, я налила воду в нагревающий артефакт.

— Кстати, ты знала, что все эти осветительные артефакты придумал магистр Рендольф? — как бы невзначай поинтересовался Бруно, осматривая кухню.

— Нет. Ты мне лучше расскажи подробнее о вакансии. Как ты о ней узнал?

— Так после разрыва пошли увольнения. Даже среди преподавателей, которые вели теоретические лекции. Все решили сбежать.

Бруно недовольно поморщился, а мне стало неловко. Рано или поздно Ливиара расскажет ему о моих планах.

— В том числе и помощница нашего магистра. Ее вообще отец без собеседования устроил в свое время. Он у нас вел травологию. Но сегодня уезжает из города вместе с дочерью, — пренебрежительно продолжил он. — И, как по мне, магистру Рендольфу она только мешала. Как ни зайдешь в кабинет, она сидит возле своего зеркала и волосы поправляет. В общем, работа ее интересовала мало, но какие-никакие обязанности она все-таки делала. Сейчас же, после разрыва, у нашего артефактора обязанностей только прибавится, а помочь ему некому. Лавка господина Олинье все равно пострадала, а тебе нужна работа.

Нагревающий артефакт издал короткий звонок, оповещающий, что вода закипела. Я заварила нам с Бруно чай и уже собиралась задать несколько уточняющих вопросов про обязанности помощника, как дверь на кухню с грохотом открылась и на пороге возникла сонная, но тем не менее злая Теодора.

— Так-так-так, — мачеха скривила губы в подобие улыбки. — Стоило мне ненадолго прилечь, как ты уже кого-то притащила в мой дом, Амелия.

— Не совсем понимаю, о чем вы, — невинно похлопала глазками я. — В ваш дом я никого не таскала.

Увидев Теодору в дверях, я расстроилась. До последнего надеялась, что она как можно дольше проваляется в постели, теперь придется действовать осторожнее.

— Все в порядке, — подмигнул мне Бруно. — Подожду тебя на улице.

Он отставил недопитую чашку с чаем, поднялся со стола и пошел на выход, аккуратно огибая Теодору, чтобы лишний раз к ней не прикоснуться. Но Бруно не был бы собой, если бы не сказал что-нибудь на прощание.

— Кстати, вам очень к лицу синий цвет, — сообщил он с улыбкой. — Всего доброго. Рад, что вы в полном здравии.

Бруно ушел, а Теодора перевела на меня негодующий взгляд.

— Что он здесь делал? — недовольно поинтересовалась она.

— Пришел узнать, как у вас дела, — со вздохом ответила я. — Не хорошо вы с ним поступаете. Он вам жизнь спас, а вы его из дома гоните.

— А я что, просила спастись меня? — усмехнулась Теодора. — Нет, не просила. Так что попрекнуть меня нечем. И не умничай, лучше приготовь мне завтрак. Я чувствую усталость.

— Увы, не могу, — я тоже отставила от себя чашку с чаем и поднялась из-за стола. — Я обещала господину Олинье помочь в лавке, она сильно пострадала, — соврала я. — И да, синий цвет вам действительно к лицу.

Под синим цветом я подразумевала назревающую шишку на лбу Теодоры, которую она еще не успела спросонья увидеть. Смотрелась она на лице мачехи эпично.

— Да о чем это вы? — сузила свои маленькие глазки Теодора.

— Посмотрите в зеркало. Думаю, вам есть с кем познакомиться.

Недовольно ворча, Теодора прошла в уборную, и оттуда донесся истеричный крик.

— Эвелин! Немедленно ко мне!

И пока сестренка с мачехой толпились в небольшой уборной, где Эвелин пыталась успокоить мать и объяснить, что она купила мазь, для того чтобы побыстрее убрать с лица этот ужас, я быстро сменила платье на более опрятное, в котором не стыдно будет идти на собеседование в приличное заведение, набросила на плечи пальто и выскользнула на улицу.

Оставалось теперь надеяться, что мачехе будет не до того, чтобы проверять свои письма и документы, поэтому пропажу моего удостоверения личности она заметит не скоро.

Бруно дожидался меня за поворотом. После разговора с Теодорой он не выглядел расстроенным, но я все равно решила принести извинения.

— Мне-то что? — хмыкнул Бруно. — У меня в одно ухо влетело, в другое вылетело. А ты с ней живешь, тетенька. Так что, если кому и не позавидуешь, так только тебе.

Всю остальную дорогу до Академии Бруно мне рассказывал, как драконы срачивали ткани мироздания. Он искренне ими восхищался, а так же выразил желание работать в дальнейшем в гарнизоне под их руководством.

— Никогда бы не подумал, что драконы такие сильные, — воодушевленно говорил Бруно, — даже в своей человеческой ипостаси. Ты бы видела, как они магичили. Мне до такого уровня еще далеко. Кстати, а почему ты убежала тогда? Пропустила все самое интересное.

— Испугалась, — пожала я плечами и даже не солгала. Только испугалась я не монстра, а драконов, которые могли вмешаться в мою жизнь. — Ты про эту вакансию что-то знаешь? Про обязанности?

Однако Бруно толком ничего не знал. Просто услышал разговор профессора Рендольфа и ректора и решил рассказать об этом мне. И правильно. Чем быстрее я приду, тем больше вероятность, что они не найдут другого сотрудника. А если же мне не повезет и откажут, тогда я снова попытаюсь покинуть город. Но сейчас сдаваться не намерена. Эта работа для меня отличная возможность и жизнь изменить, и продолжать дальше помогать сиротам.

Военная Академия Магии находилась на окраине города. Она граничила с лесом и озером и занимала большую площадь. Сюда направляли для обучения адептов из других городов, а так как Академия стала военной, то пришлось расширять ее пространство для полигонов и других тренировок.

Состояла она из нескольких высоких корпусов правильной прямоугольной формы. Стены были отделаны коричневым камнем, а крыша была плоской и широкой. Она использовалась для посадки драконов, которые изредка навевывались в Академию. Как говорил Бруно, ректор Академии тоже дракон. Когда-то он служил на границе и учил молодняк, а после травмы его отправили к нам, где он продолжил обучать уже не только юных драконов, но и магов, подготавливая их к будущим сражениям.

В Академии было столько секций, коридоров и переходов, что можно было с легкостью заблудиться, но как только мы прошли пост охраны, Бруно проводил меня до самого кабинета.

— Мне пора на лекции, — сообщил он возле кабинета декана артефакторики. — Желаю тебе удачи, Амелия.

Приятель убежал по своим делам, а я глубоко вдохнула и медленно выдохнула перед тем, как открыть дверь, на которой было написано: *«Люк Рендольф. Декан факультета артефакторики, маг 1-й степени»*.

В приемной никого не было, только из кабинета самого профессора был слышен скрип кресла и шуршание бумаг. Собрав последние остатки смелости, я постучала в дверь декана и услышала короткое: *«Войдите»*, произнесенное низким, слегка хриловатым голосом, будто человек только проснулся.

А когда я вошла, то от неожиданности замерла на месте. В моем представлении, профессором артефакторики и деканом мог быть мужчина в возрасте, с седой бородой и умными глазами, но никак не молодой симпатичный мужчина, которому на вид не было еще и сорока.

Упрямый подбородок, острые скулы, короткие каштановые волосы, которые едва доходили до плеч. Довершали картину высокий рост и спортивное телосложение, заметное даже тогда, когда декан артефакторики сидел.

— Доброе утро, — поздоровалась я.

Профессор Рендольф оторвался от дел, за пару секунд осмотрел меня с ног до головы и снова вернулся к бумагам.

— Если вы пришли просить за своего брата, свата, друга, любовника или еще за кого-нибудь, чтобы забрать его из Академии, то вы ошиблись кабинетом. Ректор сидит слева по коридору.

— Я пришла не за этим, — твердо произнесла я и дождалась, пока Рендольф снова поднимет голову и встретится со мной взглядом. — Мне сказали, профессор, что вы ищите помощника. Я хотела бы пройти собеседование на вакансию.

— Вот именно, — хмыкнув, Рендольф отложил от себя пишущее перо и скрестил руки на груди. — Помощника, а не помощницу. Разницу чувствуете?

— Вы считаете, что девушка не справится? — удивилась я. — Насколько мне известно, ранее эту должность занимала...

— Да мне все равно, что вам известно, — фыркнул декан артефакторики. — Пользы от девушек в этом деле никакой. А ситуация в городе сейчас такая, что мне действительно понадобится помощь. Я не успеваю. Мне нужен здравомыслящий, амбициозный человек рядом, а не, — тут Рендольф махнул рукой в воздухе, словно я должна была додумать окончание предложения самостоятельно, и снова вернулся к бумагам. — В общем, мы друг друга поняли.

— Вы сейчас намекаете, что я глупая? — вспыхнула я.

Каждое слово этого мужчины выводило меня из себя. Правда, говорят, с лица воду не пить.

— Не вы конкретно, — вздохнул Рендольф.

— Тогда вы имели в виду весь женский род? — продолжала напирать я. — И обесценили сейчас труды многих девушек, которые прославились в науке, искусстве и литературе. Между прочим, разогревающий артефакт изобрела Мелисса Эвонт, а самопишущее перо, которые вы сейчас держите в руках, создала Лаванда Паум. То, что вы разработали осветительные артефакты, не дает вам никакого права поверхностно судить о людях.

Сейчас я как никогда была рада, что не сидела на месте, а занималась хоть каким-то саморазвитием. В меру своих возможностей, конечно, но многое об этом мире я уже знала.

— Поверхностно судить о людях? — Изогнув бровь, Рендольф удивленно посмотрел на меня.

Только теперь его взгляд уже был не поверхностным, а оценивающим. Будто он не ожидал, что женщина в принципе способна дать отпор.

— Мой вам совет, если так сильно хотите заняться мужскими обязанностями, то запрягите телегу и уезжайте из города. Как делают это остальные жители. Разговор на этом окончен. Всего доброго.

Я с этим согласна не была. Смотрела на декана артефакторики и понимала: стоит мне еще чуть-чуть надавить, впечатлить его, и он изменит свое мнение, но и раздражать его не стоит. Я с улыбкой попрощалась и вышла из его кабинета, однако уходить не планировала. Если он не хочет по-хорошему, то будем брать его измором.

Кабинет, который явно предназначался для помощника артефактора, был небольшим. Его я прошла, прежде чем постучать в дверь Люка Рендольфа, так что сейчас у меня появилась отличная возможность его рассмотреть. Стол был завален бумагами, на книжных стеллажах бардак — книги то лежали, то стояли, то вообще находились в открытом состоянии. Бывшая помощница Люка действительно особо не заморачивалась по поводу своей работы.

От созерцания меня отвлек стук в дверь. На пороге появился парень лет двадцати в опрятном костюме.

— Эээ, — неуверенно произнес он, а затем снова посмотрел на дверь, вчитываясь в табличку. — Мне нужен Люк Рендольф, я по поводу вакансии.

— Вы опоздали, — с грустным вздохом произнесла я. — Декан уже нашел для себя помощника. Вакансия занята.

— Да? — удрученно поинтересовался юноша. — Что ж, тогда до свидания.

Парень вышел, а я, довольная результатом, снова приступила к разглядыванию кабинета. Может быть, я поступала и некрасиво по отношению к этому молодому человеку, но я находилась в том мире, где каждый сам борется за свое место под солнцем. Поэтому пришлось затолкать свою совесть поглубже и придерживаться выработанного плана.

Таким образом у меня получилось за час отвадить еще троих. Двух парней и одну девушку. Благо Люк за это время ни разу не вышел из своего кабинета. Внезапно дверь в приемную открылась, и без разрешения вошла молодая, эффектная девушка с черными как смоль волосами. Она не обратила на меня никакого внимания и с бумагами в руках проследовала к декану. Дверь за собой незнакомка не заперла, поэтому у меня получилось подслушать их разговор.

Не специально, конечно же.

— Декан Рендольф, — сказала девушка строгим тоном, — ректор Фанторэл не доволен. Вы до сих пор ему не отправили проект по артефакту передачи данных.

— Когда я должен это сделать? — вспыхнул Люк. — Если вы не заметили, у меня важное задание от императора, а еще лекции, от которых меня никто не освобождал.

— Я все понимаю, — девушка смягчилась. — Люк, но нужно ускориться. Для всех нас это важно.

В ее голосе появилась мягкость, и если сначала я увидела в незнакомке холодную отстраненность, то сейчас стало понятно: они с Люком были в приятельских отношениях, если не больше.

— Беатрис, я... постараюсь что-нибудь придумать. По сути, проект практически готов, осталось сделать несколько доработок, с которыми у меня пока не получается справиться.

— Покажи хоть что-то, — посоветовала ему Беатрис.

На несколько секунд в кабинете декана повисла тишина, а затем он произнес:

— Ты права. Сегодня же это сделаю. Наброски должны лежать на столе в приемной, только там такой беспорядок, что нужно постараться, чтобы что-то найти.

— Тебе не мешает расслабляющий чай. Приготовить?

— Нет, мне пора на лекции. Передай ректору, что сегодня я все ему покажу.

— Хорошо.

Девушка вышла из кабинета, так и не посмотрев в мою сторону. Казалось, она совсем меня не заметила. А за ней в приемную вышел и Рендольф.

Он был так погружен в свои мысли, что тоже не обратил на меня внимания, так что пришлось откашляться, чтобы декан повернул ко мне голову.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Я вам сказал, что ищу себе помощника, а не помощницу.

— Что-то я не вижу в приемной очереди из желающих, — пожала я плечами.

Похоже, Люк от моей наглости потерял дар речи, поэтому пришлось продолжить:

— Вам повезло, дел у меня сегодня больше нет. Поэтому приступить к своим обязанностям я смогу уже сейчас.

На мгновение мне почудилось, что губы декана дрогнули в улыбке, но он быстро вернул на лицо серьезную маску.

— Что ж, раз желающих действительно больше нет... тогда я возьму вас на испытательный срок. Думаю, трех дней будет достаточно.

— Достаточно, — с воодушевлением кивнула я. — Я готова. Что нужно делать?

— Разберите бумаги, — кивнул в сторону стола Люк. — И найдите проект по артефакту связи.

— А как я пойму, что это именно он? — неуверенно произнесла я, рассматривая рабочий стол, на котором не было свободного места. Настолько он был захламленным.

— Если читать умеете — разберетесь, — хмыкнул декан и перед уходом добавил: — Иначе зачем мне такая помощница?

Он вышел из кабинета и захлопнул за собой дверь, а я мысленно возликовала от небольшой победы. Что угодно ему найду, чтобы получить эту работу. И я приступила к делу.

Глава 9

За час работы я успела несколько раз помянуть прошлую помощницу недобрым словом. К сожалению, в этом мире не придумали такого удачного изобретения, как скрепки, и много бумаг из-за этого окончательно растерялись. Было непонятно, что за чем идет и к какой теме относится. Пришлось внимательно вчитываться, чтобы понять суть и не распределять дела интуитивно.

Таким образом я узнала, что магистр Рендольф работал не только над артефактом связи, у него еще имелись разработки по защите и укреплению границ, а также различная мелочь из серии «Увеличение мощности грозового артефакта», который вызывал молнии и бил в бою по противнику разрядом. Если у профессора получится воплотить планы в жизнь, то маги смогут реже заряжать такие артефакты. Сами по себе они были тяжелыми, и брать их в большом количестве было сложно, так что идея действительно хорошая.

В итоге я поняла, что Люк Рендольф не зря занимает должность декана факультета, у него и правда было много интересных идей, жаль, не все они были воплощены. Некоторые проекты оказались заморожены, не доделаны, отложены до лучших времен. Возможно, Люк где-то зашел в тупик, или же появились дела поважнее. Например, разрыв в центре города.

На уборку и сортировку бумаг я потратила часа два, не меньше. Как назло, необходимые документы нашлись в самом низу. Но не успела я обрадоваться, как увидела на титульном листе огромное пятно от чайной кружки.

Он же не понесет это ректору? Или...

Не знаю, как у них здесь принято, но если уж я взялась за работу, то выполняю ее в лучшем виде. На столе как раз лежало самопишущее перо и чистые листы – все это я складывала в отдельную стопку. И как только с уборкой в кабинете было покончено, я села за переписывание работы начисто. Старательно выводила каждое слово красивым почерком, чтобы магистру было не стыдно отдать это своему начальнику. И работа так увлекла меня, что я даже не заметила, как погрузилась в сам процесс разработки артефакта.

Оказалось, Люк Рендольф планировал создать прототип земного телефона. В этом мире действительно было плохо со связью, максимум, который могли позволить себе маги – это магическая почта, но и она шла от нескольких минут до часа, в зависимости от того, как далеко находился адресат.

Именно поэтому во время вчерашнего разрыва драконы так долго не появлялись: они просто о нем не знали. А если бы наш старший смог связаться с ними по артефакту, который планировал разработать магистр Рендольф, то драконы смогли бы прилететь еще в момент землетрясения. Пострадавших было бы намного меньше, монстр не вырвался бы из бездны, и ткани мироздания быстро бы срастали.

Если у Люка получится доработать эту вещицу, он спасет тысячи жизней, если не больше. Да я сама была готова за это расцеловать его, вот только магистр застопорился на передаче данных. Для материала самого артефакта он выбрал кварц, который усиливал магическую энергию. Он планировал сделать из него кристаллы, которые будут тесно связаны между собой, а вот с магическим каналом произошла загвоздка. Люк делал подробные тесты, но вместо голоса из кристалла была слышна всякая несуразица, хоть он всегда и срабатывал в тот момент, когда во второй кристалл говорили.

Вообще, идея была гениальной, но я понимала, что до аналога земного телефона в этом мире далеко. И в моем-то не сразу пришли к концепции телефонной связи, а вот если рассмотреть возможность создания рации, которая работала бы на большие расстояния, – другое дело. Можно сделать один главный артефакт, который находился бы в ближайшем гарнизоне,

и в каждом городе у старшего будет второй кристалл, с ним связанный. И работало бы все в одну сторону.

Да, слишком просто. Но это лучше, чем ничего. Сейчас у нас нет времени все проверять, переделывать, до сложных изобретений мы обязательно дойдем. Но для начала это то, что нужно.

Окрыленная этой идеей, я закончила переписывать проект на чистую бумагу и на отдельном листе добавила свои заметки. В артефакторике я ничего не соображала, книг по этой теме прочла немного, но кое-что я могла привнести из нашего мира. К примеру, я понимала, что голос просто так передать мы не сможем, его нужно кодировать. Это можно будет сделать с помощью рун или звуковых волн, которые преобразуются в магическую энергию. Уверена, магистр знает об этом больше.

Ему просто необходимо подкинуть идею.

Стоило мне закончить со всеми набросками, дверь в приемную отворилась, и в кабинет вошел недовольный магистр Рендольф. Я понимала, что на него сейчас многое навалилось, поэтому решила действовать осторожно. На окне стоял нагревающий артефакт, и я вскипятила воду, порылась в ящиках стола и нашла листовой чай. Запах мяты и чабреца просто идеален для успокоения нервов.

Я уверенно постучала в дверь магистра и, услышав короткое «Войдите», зашла вместе с чаем и подготовленными документами.

— Вы еще здесь? — обреченно поинтересовался магистр.

— Надеялись, что сбегу? — хмыкнула я. — Нет. Мне нужна эта работа. И ваше задание я выполнила.

С этими словами я поставила перед магистром горячий чай и протянула ему бумаги.

Профессор Рендольф посмотрел на приготовленный напиток, удовлетворенно хмыкнул и взял бумаги. Вот только на его лице сразу же появилось недоумение.

— Что это?

— Я переписала вашу работу, — смущенно ответила я и показала его старые записи с чайным пятном. — Подумала, что ректору необходимо будет отнести листы без... кхм, помарок. Но если вы против, можете воспользоваться своими записями.

Артефактор неопределенно махнул рукой и стал вчитываться в то, что я написала. Наверняка проверял, не добавила ли я в его работу отсебятины. А когда его внимание переключилось к моим личным доработкам, его брови выгнулись в удивлении.

— Что за кодирование? — недоуменно поинтересовался он, и я попыталась объяснить ему простым языком.

— Понимаете, кварц не умеет разговаривать на человеческом языке.

— Да что вы говорите? — съязвил Люк. — И как я сам до этого не додумался?

— Именно поэтому он не может правильно передать человеческую речь, — спокойно продолжила я, не обращая внимание на его издевки. — Нужно сделать так, чтобы этот язык стал кристаллу понятен. Я еще не знаю, как это реализовать. Возможно, есть определенные руны или заклинания... В любом случае, не работает ваш проект на данный момент именно из-за этого.

Все это время профессор Рендольф слушал меня с таким выражением на лице, что я покраснела. Он смотрела на меня, как на чудную обезьянку, которая решила перед магистром сыграть на гармошке. Настолько язвительной была его улыбка, а взгляд снисходительным.

Но я была уверена в своей теории. Поэтому смотрела в ответ с вызовом, стояла на своем, и голос мой не дрогнул.

Магистр медленно поднялся из кресла и сунул руки в карманы брюк.

— Знаете, что? — с усмешкой поинтересовался он.

— Что?

Тут его взгляд остекленел, будто он о чем-то задумался. Затем выражение его лица стало меняться, язвительная улыбка исчезла, а в глазах появилось... удивление?

Выйдя из-за стола, профессор Рендольф подошел к своему стеллажу с книгами, вытащил несколько экземпляров и стал быстро перелистывать страницы.

— Наконец-то! – воскликнул он и, отложив книгу в сторону, выскочил из кабинета.

Я не понимала, что все это значит. Это у него «эврика» такая?

Правда, через пару секунд Люк Рендольф вернулся, взял мое лицо в ладони и звонко чмокнул меня в нос.

— Как вас хоть зовут? – горячо поинтересовался он.

— А-амелия, — растерянно ответила я, покраснев от внезапного поцелуя. Хорошо, что не в губы.

— Ваш испытательный срок закончился. Можете считать, что вы приняты на работу! Вы даже представить себе не можете, что сейчас только что сделали!

С этими словами магистр вновь выбежал из кабинета, а я стояла и медленно растирала место, в которое меня поцеловали. И бурлили во мне очень странные эмоции. На мгновение захотелось заплакать. Наконец-то я поняла, что сделала в этом мире что-то стоящее.

Через несколько секунд Люк вернулся, но только для того, чтобы забрать свои разработки и снова убежать. Чем заниматься дальше – мне никто не сказал, поэтому я не придумала ничего лучше, как продолжить уборку, переключившись на стеллажи с книгами. Магистр долго не возвращался, и я решила посмотреть остальные разработки, может быть, моя помощь пригодится где-нибудь еще.

Таким образом я провела в кабинете декана несколько часов. На улице вечерело, есть хотелось неимоверно, но я понимала, что в столовой меня никто не ждет. Там даже не знают, что у профессора Рендольфа появилась новая помощница, а покидать пределы Академии я боялась.

Вдруг все эти слова Люк Рендольф произнес на эмоциях? А стоит уйти за ворота, как обо мне тут же забудут. Так что развлекалась я тем, что вчитываться в работы Люка. За чтением время пролетело незаметно, и прервалась я лишь тогда, когда магистр вернулся в кабинет.

Раскрасневшийся, со взъерошенными волосами. Сейчас ему можно было дать не больше тридцати. Но, самое главное, его глаза горели. Увлечением, торжеством и скорой победой!

— Я думал, вы уже ушли. Время позднее, мне нужен помощник, а не ходячий зомби, — сообщил с порога он и прошел к себе, а я последовала за ним.

— Для начала я хотела бы узнать про график своей работы. И про обязанности.

— Давайте обсудим это завтра, — вздохнул профессор Рендольф. — Сперва вас необходимо официально трудоустроить в Академию. Буду с вами честен. Ситуация в стране тяжелая, свободных финансов не так много, и в академическом штате нет должности моего помощника.

— Как так? – побледнела я. Неужели все было зря? – Вы же сказали...

— Я держу свое слово, — перебил меня магистр. — На работу я смогу вас устроить, также вы будете обеспечены проживанием, если оно вам понадобится, и питанием, но... на большую зарплату не рассчитывайте, так как платить я буду из своего кармана. Как сказал ректор, инициатива наказуема.

Не знаю, какую зарплату Люк Рендольф считал маленькой, но произнесенной им суммы было более чем достаточно. Выходило даже больше, чем в пекарне.

— Тогда давайте свои документы, — продолжил профессор, когда я согласилась на его условия.

Надо же... не зря стащила их у мачехи. Кстати, про нее...

— Профессор Рендольф... — неуверенно начала я.

— Можно просто Люк, — с улыбкой произнес он и принял из моих рук бумаги. — Официально ко мне обращаются только адепты, а вам я предлагаю обойтись без официоза. Вы же не против, Амелия?

И взгляд такой испытывающий, что на мгновение я смутилась, но быстро взяла себя в руки.

— Не против, — уверенно произнесла я. — Но перед моим трудоустройством вы должны кое-что узнать.

Я представляла этот момент иначе. Но когда пришло время говорить, я поняла, что у меня как будто ком в горле образовался, и постаралась его как можно быстрее сглотнуть. Люк Рендольф продолжал заполнять бумаги по трудоустройству и переписывать информацию из моих документов. Казалось, ему было все равно, что я ему сообщу.

— Дело в том, что я была замужем, профессор, — все же призналась я.

Люк прервался и поднял на меня удивленный взгляд.

— Неожиданно, — хмыкнул он. — Вдова?

Если бы...

— Разведена, — сдавленно ответила я, пытаюсь прочесть эмоции по его лицу, на котором, как назло, не дрогнул ни единый мускул.

— Что ж, — произнес он, — бывает. Это все?

— Не совсем. Мои родители мертвы, и я нахожусь под опекой мачехи. Боюсь, она может быть против моей работы и попросит меня уволить...

— Исключено, — твердо произнес Люк Рендольф. — Как только вы трудоустроитесь в Академию, мы берем над вами полную опеку, как и над адептами. Так что можете не переживать.

За себя я переживала не так сильно, как за него, потому что связываться с Теодорой — себе дороже.

— Вы не понимаете... — Мне необходимо было донести до Люка всю опасность. — Моя мачеха конфликтная, и вы должны быть готовы...

— Я уже готов, — вновь перебил меня профессор и вернулся к бумагам. — Мои родители погибли на границе, когда мне было три. Меня отдали под опеку дяди, но и он через семь лет скончался, так что воспитывала меня его жена, пока я не поступил в Академию. Как вы можете предположить, лишнему рту в своей семье она не обрадовалась. В особенности после того, как снова вышла замуж.

Люк Рендольф рассказывал это не для того, чтобы вызвать во мне жалость или выговориться. По его спокойному тону и расслабленному положению тела было ясно, что он просто хочет показать, что понимает меня. И полностью на моей стороне.

— Спасибо, — тихо произнесла я, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

За пять лет в этом мире я повстречала не так много людей, которые относились бы ко мне как к равной, без презрения и отвращения. Так что я была благодарна судьбе за то, что она послала мне Люка.

— Есть еще что-нибудь, о чем я должен знать? — поинтересовался магистр, закончив с бумагами.

— Думаю, нет. Я все рассказала.

— Точно? — стал допытываться он. — А что по поводу вашего бывшего мужа? С ним проблем не будет? Он не станет обивать пороги Академии? Скажу честно, семейные драмы мне здесь не нужны.

— О, по этому поводу можете не переживать, — махнула я рукой. — С моим бывшим вы даже не познакомитесь.

— Вот и чудненько, — улыбнулся магистр Рендольф. — Тогда, если мы покончили с административной частью, предлагаю провести вам экскурсию по Академии.

Идея была хорошая, да и настроение Люк Рендольф мне поднял, вот только я глянула в окно – а на улице уже стемнело.

— Мне нужно вернуться домой, — со вздохом произнесла я. — Я должна сообщить маме, что нашла себе работу и съезжаю.

— Ничего вы и никому не должны, Амелия, — раздраженно бросил Люк Рендольф. — Вы приняты в Академию, забудьте уже о своей маме.

— Но вы ее совершенно не знаете, — возразила я. — Если я не вернусь домой, она поднимет на уши всех жандармов. Да, может, она и не сможет забрать меня из Академии, но зачем вам эти скандалы?

— Уж поверьте, я со всем разберусь. Не впервой с такими людьми сталкиваться. Завтра же отправлюсь в жандармию, мы им каждую неделю приносим обновленные списки адептов на случай, если кого-то так же будут искать. По вам я информацию тоже предоставлю, так что ваша мама получит от ворот поворот, когда явится к ним с заявлением.

Я покачала головой. Люк Рендольф говорил слишком уверенно, но я все равно беспокоилась. Однако все же решила довериться мужчине и пошла за ним, чтобы посмотреть Академию и место, где теперь мне предстоит жить. Мы покинули его кабинет и отправились дальше по коридору.

— После того как Академию магии переквалифицировали в Военную академию, ее площадь увеличили, — начал рассказывать магистр Рендольф. — В этом месте обучают не только владению магии, но и умению постоять за себя. Каждый адепт должен быть готов встретиться со скверной лицом к лицу. Даже если он не находится на границе. Так что в Академии местами не безопасно.

— Когда произошел разрыв в городе, я была неподалеку. Ваш адепт смог задержать монстра, отвлек, пока не прилетели драконы. Если бы не он, то пострадавших было бы больше. Этого героя зовут Бруно, — с гордостью произнесла я, не упуская возможности рассказать про достоинства своего друга.

— В этой Академии все герои, — ответил Люк. — В нашем мире по-другому быть просто не может.

И с этим я была полностью согласна. Не знаю, каким образом происходит обучение в этой Академии, но выпускаются из нее настоящие солдаты, вне зависимости от пола.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что в Академии не безопасно? — поинтересовалась я.

И тут мы с магистром как раз зашли еще в один его кабинет, который был оборудован различными артефактами. На столе лежали запчасти для будущих разработок, а под потолком летали исписанные страницы.

— Мне их так проще искать, — с усмешкой произнес Люк, наблюдая, с каким восторгом я все рассматриваю. — Плюс их сложно испачкать.

И магистр продемонстрировал магическим прием, которым призвал к себе один из листов. Самопишущее перо заскользило по бумаге, внося информацию, которую мысленно послал ему магистр. Затем бумага вернулась под потолок и продолжила парить.

Я с трудом сдержала восхищенный вздох. Все пять лет я понимала, что попала в мир магический, но общаться с настоящими магами удавалось редко. Бруно, который изредка показывал простенькие фокусы для меня и Ливиары, не в счет. Пусть социальная граница между людьми была стерта, все равно те, кто побогаче, обитали в других кругах и посещали другие заведения. Так что особо пересекаться с ними не приходилось.

— Есть в Академии места, которые лучше обходить стороной.

Магистр подошел к своему рабочему столу, отодвинул несколько ящиков, что-то поискал и достал широкий браслет. Подозвал меня к себе.

— Этот артефакт я разработал для гостей нашей Академии. Он создает своего рода карту с безопасными зонами. Пока вы будете носить этот браслет, вы не сможете попасть туда, куда не следует. Весь ваш путь будет строиться лишь по безопасной зоне. Полезная штука, учитывая, что в Академии вы будете не только работать, но и жить.

Люк Рендольф надел мне на руку браслет, замочек которого застегнулся самостоятельно, стоило прохладному металлу соприкоснуться с кожей.

— Спасибо, — восхищенно выдохнула я, замороженно рассматривая исписанное рунами украшение. Артефакт оказался красивым и изящным.

— Не за что, — хмыкнул профессор Рендольф. — Кстати, про личные вещи. За ними тоже можете не возвращаться, после ужина я отведу вас к кастелянше, она обеспечит вас всем необходимым.

Мы вышли из рабочего кабинета, где Люк Рендольф обычно работал над своими изобретениями, и продолжили экскурсию. Магистр рассказывал о местоположении стратегических мест, а я шла следом, внимательно слушала и не могла поверить своему счастью.

Неужели, все это происходит со мной? Неужели, я больше не встречусь с Теодорой?

— Так, а теперь предлагаю проверить действие артефакта, — сообщил Люк. Мы остановились возле высокой дубовой двери ярко-красного цвета. — Давно им не пользовался, надеюсь, он не растерял своих свойств. Амелия, постарайтесь проследовать за мной.

Люк открыл дверь и скрылся в темноте комнаты. Я даже не успела ничего рассмотреть, только по коже пробежал мороз, а затем я услышала душераздирающий рев.

Дверь за магистром захлопнулась. У меня не было никакого желания следовать за ним, потому что я понимала, что ничего хорошего по ту сторону меня не ждет. К тому же у меня и магии нет. Но в одном Люк был прав. Лучше действие артефакта проверить сейчас, когда он рядом, чем меня найдут в каком-нибудь закутке с перегрызенным горлом.

Собрав остатки смелости в кулак, я дотронулась до ручки двери, но тут же одернула руку: металл сильно нагрелся и обжег пальцы, как бы предупреждая, что входить ни в коем случае нельзя.

Через минуту дверь открылась, и вернулся взлохмаченный артефактор, с трудом переводящий дыхание.

— Ну что? — хриплым голосом поинтересовался он.

— Работает, — кивнула я.

— Вот и отлично. — На губах Люка появилась улыбка, и мы отправились дальше. — Завтра я познакомлю тебя с персоналом Академии. А пока предлагаю перекусить. За целый день не представилось такой возможности.

При упоминании еды мой желудок довольно заурчал, но Люк, кажется, этого не услышал. Мы покинули административный корпус и свернули к самому маленькому зданию, которое стояло поодаль от остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.